

МАКАБР

ИГРА

В СУМЕРКАХ

МИЛА НОКС

Макабр

Мила Нокс

Игра в сумерках

«РОСМЭН»

2017

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Нокс М.

Игра в сумерках / М. Нокс — «Росмэн», 2017 — (Макабр)

ISBN 978-5-353-08364-1

Первая книга новой фэнтези-серии от победителя VII сезона литературного конкурса «Новая детская книга» Милы Нокс. Трансильвания... Самое жуткое и загадочное место на свете, где обитают оборотни, стригои, колдуны... и те, кто на них охотится. А еще в Трансильвании возле маленького городка Извор, за древними курганами, где племя даков хоронило своих мертвецов, мирно живет Теодор Ливиану. Когда его жизнь рушится, он решает бороться – несмотря ни на что! – и вступает в опасную игру, участвовать в которой приглашает... сама Смерть.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08364-1

© Нокс М., 2017

© Росмэн, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мила Нокс

Игра в сумерках

Макабр – по средневековому поверью – «пляска смерти» («La Danse macabre»), в которой мертвецы увлекают за собой живых в смертельный танец.

© Мила Нокс, 2017

© ООО «РОСМЭН», 2017

Глава 1

о том, кто хранит воспоминание

Это дневник Тео Ливиану. Если ты его читаешь – знай, ты уже труп. Я тебя где угодно найду, и поверь, ты не досчитаешься пальцев не только на руках, но и на ногах. Положи книжку, где взял, и беги, пока не задымятся подошвы.

10 марта

В прошлом году это случилось впервые. Я отпраздновал свой очередной день рождения, проснулся наутро – и понял, что не помню ничего, даже своих подарков. Все стерлось из головы, вся жизнь! Никто не смог объяснить, почему так произошло, даже отец. Это было жутко, и мне страшно: вдруг однажды забуду не один день, а вообще всю жизнь? Начинаю дневник, где буду писать все, чтобы помнить, кто я такой.

Я живу с родителями за Извором, там, где кончаются курганы. Их оставили даки, древние люди, жившие в Карпатах и считавшие себя волками. В курганах даки хоронили своих мертвецов – так мне отец объяснил, а еще добавил, что мы должны жить именно возле кладбища. Ну вот зачем? Но он твердит, что так надо. Скучно здесь! Хочу с кем-то дружить. Бродить целый день по дорогам, как изворские ребята, придумывать что-то вместе, болтать, смеяться. Видел их компанию на прошлой неделе. Лазили на заброшенную водяную мельницу. Им весело, не то что мне. Хотелось бы с ними! Но горожане не слишком-то рады видеть мою рожу в своей компании.

Честно говоря, они вообще не хотят, чтобы я шнырял поблизости. Хотя я им ничего плохого не делал. Однажды познакомился с парой ребят, но, когда они узнали, что я живу у могильников, меня прогнали. Еще кричали вслед, что мой отец – черт и колдун и чтобы я к ним больше не подходил. Вот придурки! Отец никакой не колдун, он знахарь. Но люди в Изворе все равно его боятся.

А еще у нас есть семейная тайна – родители не просто люди. И об этом мне строго-настрого запрещено говорить.

Мой папа – хороший. Вчера он сделал мне дудочку, «флуер» называется, и учит меня играть на ней. Правда, пока я высвистываю, как недобитый суслик.

Все-таки здорово, что я завел дневник. Постараюсь описывать каждый день так подробно, как смогу, наверное, будет забавно перечитать события через год-другой. А еще – это хоть какой-то способ поболтать, когда у тебя совсем нет друзей.

Будь у меня возможность исполнить любое желание – я бы загадал себе друга.

11 марта

Бродил по курганам ближе к городу, искал Севера. Филин куда-то улетел, а я хотел взять его на ловлю. Увидел одного мальчишку. Хотел сразу подойти к нему, но не решился. Наблюдал из-за дерева, как он мечет в пень ножик – дешевенькую железку, из тех, что гнутся пальцами. Нож пролетел через лужайку с дюжину раз, пока не сбил старый башмак в шаге от цели. Ну и достижение!

Я хмыкнул и вынул свой. На лезвии – филин, сам выгравировал. Мальчишка замахнулся, но я был проворнее, и через мгновение рукоять моего ножа торчала точнехонько в центре пенька.

Мальчишка охнул. Он оглянулся, увидел мою физиономию, пробежал взглядом по лохмотьям и застыл. Мы молча таращились друг на друга. Наконец он выдохнул:

– Ого... Кому ты душу-то продал?

Ну вот! Я уже хотел убраться по-быстрому, когда понял, что это шутка. Мальчишка вытянул нож и подал мне с улыбкой.

– Ух ты, крепкая сталь! Мне б такой.

В его голосе была зависть, но я обрадовался.

– Как тебя зовут? Я тебя ни разу тут не видел. Где живешь?

Я неопределенно махнул рукой: «Та-а-ам», и назвалcя. Мальчишку звали Гелу, и мы с ним оказались ровесники.

– Ну, вообще-то, другие ребята в нашей компании старше. – Он почесал затылок. – Думитру, например...

– Думитру? Кто это?

– Он у нас вроде как за главного. – Гелу снова восхищенно посмотрел на мой нож. – Слушай, ты так здорово мечешь! Я вторую неделю мучаюсь, ничего не выходит. А можешь... еще раз?

В его взгляде сиял такой восторг, и он был явно не против моей компании... Это было так здорово! А когда я показал, что умею, Гелу упросил его научить. Думаю, мы можем подружиться. Да нет, мы *уже* подружились – проболтали на лужайке до самой темноты. Было интересно сидеть на поваленном стволе, обсуждать городские слухи: смерть мельничихи – сам видел, как ее на прошлой неделе хоронили; подготовку к ярмарке и запуск фейерверков на Равноденствие.

– Ты пойдешь на праздник с родителями? А хочешь с нами? Представляешь, Думитру решил залезть на крышу ратуши! Если мэр нас заметит – убьет. Но смотреть оттуда на фейерверк – это что-то! Как вспомню прошлогодний праздник, мурашки по коже... Как напоследок ту золотую вспышку пустили в небо! Она так завывала, я аж присел – думал, сирена! И потом ка-а-ак бабахнет, и всю площадь будто золотыми монетами засыпало. А какие-то дурни решили, что это настоящие, и давай хватать, ну а то же искры – они в руках и растаяли... Ха-ха! Да, здорово было... Вот бы и на этот раз что-то такое выдумали, а? Огненные цветы или стрелы...

Я молчал. Язык превратился в слизняка и прилип к небу. Что ему сказать? Ярмарка на Равноденствие. Двадцатое марта. Мой день рождения.

Я ответил, что это отличная задумка, но пока не знаю, смогу ли отпроситься у родителей. Соврал, да. А что было делать? Не говорить же, что во время праздника превращусь в истукана, а после все забуду?

Гелу протянул: «Ну, ла-адно». Мы попрощались, и он даже не оглянулся. Разочаровался, ясно же. Я всю ночь искал Севера и пинал сухие шишки.

13 марта

Вчера снова встретил Гелу, и он спросил, почему я гуляю по курганам. Неужели не боюсь могил, о которых столько страшилок рассказывают? Он сам видел, как на вершинах по ночам загораются огни. Вчера такой мелькал на верхушке Великана. Я не стал рассказывать, что это был мой огонек: Север поймал кролика, и мы устроили ранний завтрак. А после... Я соврал еще раз.

Дело было так: Гелу начал рассказывать о Думитру и компании, и мне стало интересно. Он заметил, что компании скоро предстоит *большое дело*. И ребята наконец возьмут его с собой. Может, они согласятся взять и меня, сказал Гелу. Я хорошо мечтаю ножи и смогу пойти на дело, хоть я и новичок.

Я обрадовался. Но Гелу промолчал насчет того, что это за дело. Он объяснил, что не должен рассказывать без разрешения Думитру, иначе главарь разозлится. Потом мы побродили возле могильников, но Гелу побоялся залезть на холм. Он сказал, что уже поздно и ему пора домой, иначе отец снова его побьет. У Гелу на щеке чернел огромный синяк: как-то на днях он проболтался на улице до полуночи, и отец чуть его не убил. Я понял, что однажды видел его отца, они с другом шли, шатаясь, и их лица казались синими и страшными. Но Гелу – другой, он мне нравится.

Гелу позавидовал, что родители разрешают мне гулять допоздна (знал бы он, что я всю ночь брожу по лесам!), и тут спросил такое, от чего мне за шиворот будто ледяная вода хлынула. Не видел ли я в лесу дом черта? Черт живет за теми курганами и поедает мертвецов. И еще он стригой! И вдобавок колдун, может наслать проклятие. Люди боятся и потому сюда почти не ходят. Гелу видел его однажды и дико испугался. Колдун стоял на холме и кричал, а все его лицо закрывала черная ткань, словно он боялся, что его узнают или увидят что-то страшное.

И я знал, о ком Гелу говорит. Он говорил о моем отце.

Он болтал еще много чепухи и ужасных вещей. Но отец никогда не пил кровь людей и не ел мертвецов и вообще ничего такого не делал! Меня колотило от злости. Я хотел сказать, что все это неправда, но испугался. Если Гелу узнает, что черт, стригой, колдун и кто там еще – мой отец, он даст деру и больше никогда не подойдет ко мне, будет ненавидеть, как те, другие. Мне стало противно от этой мысли, но я... Просто ему соврал.

Я сказал, что никогда в жизни не видел тот дом.

14 марта

Вчера гулял у холмов и увидел Гелу в компании незнакомых мальчишек. Выше всех был смуглый мальчик с черными волосами. Я поначалу боялся подойти. Их шестеро, а отец всегда предупреждал: «Чужие компании – это опасно!» Он говорил, мне нужно искать друга, но осторожно и не проговориться о нашей семейной тайне... Конечно, я не стану говорить им об этом!

В общем, я собрался с духом и спустился с холма. Поначалу мальчишки приняли меня неохотно, и тот высокий – Думитру – поглядел так странно, как будто узнал. Хотя навряд ли... Показалось. Его взгляд пугает. Думитру, он жутко высокий, на две головы меня выше и смотрит так, будто все на свете знает. Тут заговорил Гелу, сказал, что мы знакомы, и что я здорово мечу ножи, и вообще у меня «башка на плечах».

Пара ребят возмутились, мол, они меня первый раз видят.

– Новичков не берем! – фыркнул рыжеволосый парень с глубоким порезом на лбу. – Что за дела? Пусть катится отсюда!

Тут Гелу на него крикнул, и они жутко поругались, обзавав друг друга.

Потом заговорил Думитру:

– Мы не берем новичков. Но вы с Гелу друзья, так что можешь с нами. Мы собираемся на *большое дело*. Все, что найдешь, отдашь мне, понял? И еще... – Он посмотрел так, что внутри меня все похолодело. – Надумаешь нас сдать, я тебя...

Он сделал жест, будто обматывает мое горло веревкой и вздергивает на ветку дерева, под которым мы сидели.

– Нет ничего хуже, чем стукач. У нас был один...

Ребята многозначительно переглянулись. Думитру замолчал на полуслове и уставился на меня в упор. Его глаза были холодными и пустыми и смотрели из-под косматых бровей, как два черных прожектора. Этот Думитру чертовски пугает.

Потом мы обсуждали *большое дело*. Думитру давал распоряжения, чтоб взять с собой. Мне он поручил прихватить веревку, на всякий случай ножик и мешок. Потом мы разожгли костер под деревом и понатыкали на палки сосиски, которые притащил Рыжун. Он стоял в мясной лавке с отцом и, когда продавец вышел за кульком для мяса, стянул их с прилавка. Отец ничего не заметил, продавец тоже. Мы здорово наелись! Я прежде не пробовал сосисок. Так вкусно! Не то что зайцы – те как жареная деревяшка. Уже стемнело. Ребята улеглись возле костра, а Думитру сидел, прислонившись к дереву. Все начали рассказывать истории, вспоминая, что недавно случилось, разные слухи. Гелу почесал синяк, который начал бледнеть, и сказал:

– А знаете что? Вчера мой батя видел перекидыша!

– Кого-кого? Ну хватит, Малой! С чего он взял, что это перекидыш?

Гелу насупился:

– Клянусь, здесь живут перекидыши! Отец возвращался от Василя, ну а дорога-то, вы знаете, мимо холмов идет, и захотел в туалет. До дома далеко, он сел в кустах, значит. Темно, дворы в стороне. Луна едва-едва светит. И видит: бежит мимо лисица, даже в лунном свете хорошо видно – крупная такая, потрепанная, но жирная. Ну, отец думает, зря не захватил ножик.

– Да он бы не попал, небось, пьяный-то?

– Попал бы! Он здорово мечет ножи! Они с дядей Василем вообще много чего умеют, например, двери открывать без ключа. Дядь Василь и меня научил. Так вот, этот лис, он бежал по пути в холмы и вдруг остановился и как завопит. Нечеловеческим голосом!

– Чего б ему вопить человеческим? – захохотали ребята. – Он же лис, дурак!

– Да заткнитесь! – вскричал Гелу. – Слушайте! В общем, этот лис повалился в траву и начал дергаться. У него нога в капкан попала! Наверное, уже таскал курей из города, и кто-то поставил ловушку. Отец думает: вот удача, голыми руками сейчас поймаю, шапку сделаю из шкуры. Только хотел выйти из кустов, поворачивается – а лиса и нет, с земли человек поднимается. Расцепил зубья капкана, вытащил ногу и зашвырнул капкан в куст, где отец прятался. Отец перетрухнул, аж присел. Чуть по новой не обделался. И человек пошел прочь, а ногу-то подволакивал. Видимо, сильно его поранило. Мой отец выполз из кустов, глаза со лба стащить не может. Испугался, что за чертовщина творится! Думал по следу пойти – а перекидыш-то исчез. Как сквозь землю провалился. Только капкан остался, весь в кровище. Да он и сейчас там, я сам видел! Батя его в дом не потащил, говорит, от черта подальше. Клянусь, все правда, могу показать!

Все задумались. Чтоб такое заявлять, это действительно надо видеть.

– Говорю, отец не врет, – вызывающе сказал Гелу.

– Не врет, – подхватил Рыжун. – Он-то наверняка видел. А еще и еле, спиритушей и прочую нечисть. По пьяни чего только не встретишь!

– Да рот ты заткни свой, хватит ржать как конь! – рассердился Гелу. – Говорю, сам кровь на капкане видел! Да и вообще, может это тот самый черт!

– Колдун?

– Да! Может, это он шляется по могильникам, ищет трупы, чтоб сожрать?

– Я и сам видел, иногда тени там бывают, будто человеческие, – задумчиво проговорил Рыжун.

– А я однажды разговор слышал на неизвестном языке, – вмешался еще какой-то паренек. – И вроде не румынский, не английский, а какой-то непонятный.

– Точно! Я вчера проходил мимо курганов и услышал голос, – сказал бледнолицый мальчик. – Думал, кто из деревни поет. Но ветер приносил звук с холма, хотя на его вершине – сам видел – никого не было. И только одно слово звучало раз десять подряд: «Макабр, макабр, макабр...» Мне жутко стало, я подхватился и как дал деру!

– «Макабр»? – недоуменно повторил Гелу. – А что это за слово?

Никто не знал, все только плечами пожимали.

Думитру пошевелил угли в костре палкой и сказал:

– Малой, покажешь капкан. Завтра. Если правда – нужно переставить ловушку в другое место. Спрятать понадежнее, чтоб он не увидел. Пусть упырь и вторую ногу поломает. На прошлой неделе моя тетка Марта умерла – все же знаете?

Я вспомнил ее. Мельничиха Марта – это ее тогда хоронили. Но не стал встречать, особенно когда речь шла о моем отце.

– Я слышал, – таинственно понизил голос бледнолицый, – она как-то странно умерла. Там даже полиция приходила, проверяла. Говорили, какой-то человек приходил к ним в ночь до этого. А муж Марты ничего полиции не сказал.

– Моей маме тоже не сказал, – нахмурился Думитру. – Она, тетка моя, болела долго... Ну и откинулась. Хоть весны дождалась...

Все замолчали, и небо будто стало темней. В пустоте ночи лишь потрескивал костер, и ветви шептались над головами.

– Но я-то знаю, – мрачно продолжил Думитру, – к ним точно мужик какой-то приходил. Мы же по соседству живем, и я голос услышал. Как раз возвращался, перелезал через забор. Только не узнал, кто, со спины заметил. Света не было, как будто в доме спят. Темно, хоть глаз выколи, а ведь гость пришел. С чего бы это? В ту же ночь она и померла. Хоронили в закрытом гробу. Я думаю, – Думитру обвел всех взглядом, – это черт к ней приходил. Колдун. Он из нее кровь высосал и что-то сделал такое, что теперь муж Марты ничего не может рассказать. Ходит только почерневший весь и разговаривает сам с собой... Так вот что сделаем: Гелу, ты покажешь капкан, и мы переставим ловушку к дому колдуна. Пусть еще раз в нее попадет, может, даже шею сломает и сдохнет. Как помрет – будет в аду гореть, Лучафэр его на вертел насадит, а потом в котле сварит. Я точно знаю. Все, кто чертовщиной занимаются, чертями станут после смерти. А может, – Думитру тут замолк, – он *уже* мертв. Потому свое лицо не показывает, что труп ходячий и с него кожа слазит.

Гелу рядом со мной затрясся, и другие ребята тоже. Ночь была на редкость холодная, всех пробрал ветер с холма. Я застегнул воротник куртки повыше, хотя мне было неуютно по другой причине: ребята говорили о моем отце, а я должен был молчать и ничем себя не выдать. Тут послышался какой-то вой, и все засуетились, что пора по домам.

Компания разошлась, тонкая полоска света у горизонта угасла. Я пошел в холмы и искал там до рассвета, но так и не нашел чертов капкан. Можно было подумать, что Гелу все наврал... но я знал, капкан был. Он был и куда-то делся, и от этого мне стало страшно.

Глава 2

о том, кто делает чучела

17 марта

На краю Извора стоял старинный дом с оранжереей. Я не знал, чей он, пока ребята не рассказали. Оказывается, в нем живет человек по фамилии Цепеняг, и он чучельник. Я вспомнил, что однажды видел его с отцом. Цепеняг рыскал по лесу с ружьем и показался мне неплохим следопытом. Впрочем, нас он не заметил. Отец велел мне запомнить этого человека. «Никогда не попадайся ему на глаза», – предупредил он, и я запомнил. То же сказал Думитру.

Мы сидели под деревом, все в сборе; карманы оттопыривались от мешков, веревок, некоторые вертели в руках ножи, и лезвия поблескивали в белом свете полной луны.

– Отец меня убьет, – шепотом поделился Гелу, – если узнает, что я вылезал ночью через окно, точно убьет.

– Малой, если боишься отца – вали туда, откуда пришел, – нахмурился Думитру. Он смотрел на нас, и его черные глаза снова будто просверлили наши черепа.

Гелу заерзал и покраснел.

– Недавно мой отец захотел купить голову оленя для кабинета, – начал Думитру, – и мы пошли к Цепенягу. Стоит это недешево, надо сказать. Нас встретил мужик, с во-от такой копной волос на голове, – он широко развел руки, и ребята засмеялись, – целое сорочье гнездо. По-моему, этот Цепеняг из цыган, у него глаза, ей-богу, черные настолько, что зрачков не видно. Как залитые смолой. Станный мужик, костлявый и молчаливый. Я сразу заметил – есть в нем что-то такое... не как у людей. А потом, когда он повел нас с отцом в галерею, я вертел головой по сторонам, и не зря – заметил приоткрытую дверь в оранжерею. Оттуда доносилось едва слышное тиканье. Стекланный коридор я рассмотрел, еще когда подходили к дому. И в эту приоткрытую дверь я увидел... – тут Думитру сделал паузу, – голову человека!

Все охнули, выпучив глаза на Думитру.

– Да-да, вот именно, – продолжил главарь. – Я, конечно, и виду не подал, хоть у самого аж зубы свело. Увидишь такое – потом не уснешь ночью, а тут еще перед хозяином делай вид, будто все в порядке. И все-таки мне любопытно стало, чья это голова? Вдруг знакомый кто? В общем, хоть и страшно до жути, а я прямо загорелся идеей сходить туда и посмотреть. Следил-следил, как отец выбирает оленьи головы, а потом Цепеняг повел коллекцию рогов показывать... Выждал я момент – и сбежал. Спустился на первый этаж, где была оранжерея, и поначалу не мог найти двери – там куча коридоров и проходов, все заставлено старинной мебелью, растениями в кадках, завешано картинами... Пахло пылью и старым деревом. Наконец я зашел в нужный зал, и в окно увидел двор и тот самый стекланный коридор. Он вел из соседней комнаты. Я заглянул туда – никого, услышал знакомое тиканье и скорее шмыгнул внутрь.

А там – часы всех размеров! Стоят на полу, висят на стенах, лежат на высоких подставках под стекланными колпаками. Даже золотые часы-птица были. Они все тикали, и у меня в ушах жутко зазвенело. Одна стена комнаты вся была из стекла, за ней и начиналась оранжерея. Я прокрался между всеми этими стекляшками с часами, все боялся, что задену и разобью, – тогда Цепеняг мигом примчится! Я знал, что времени у меня в обрез, и решил поторопиться. За стекланный стеной тоже оказалась темно: настолько все заросло этими цветами, лианами и папоротниками. Некоторые даже выползли из оранжереи и забрались в комнату с часами! У двери стояли доспехи, а я зацепился ногой за одну из чертовых лиан... В общем, я врзался локтем в эти доспехи, они зашатались, а в латных перчатках зазвенели песочные часы. Я потя-

нул к ним, но не успел, и часы ка-ак грохнутся на пол! Осколки и песок чуть не по всей комнате разлетелись.

«Черт, пора сваливать!» – подумал я, меня уже прямо тошнило от страха. И тут я ее увидел! Над самым входом в оранжерею! Огромную синюю голову... И это был не человек. Лицо напоминало мужское, заросшее рыжими волосами, рот перекошенный и полный желтых длинных зубов. Настоящая морда чудовища! Один глаз таращился на меня, а другой – на дверь. Я подумал, что этот монстр похож на человека, который жил в лесу с волками лет тридцать и совершенно одичал... Внутри все похолодело от жуткой мысли, и я почувствовал, как ворот рубашки душит меня... И он действительно меня душил! Я с трудом повернул голову и увидел Чучельника. Он держал меня за ворот и дико таращил глаза, почти как тот самый монстр. Мне захотелось просто провалиться на месте!

«Ты что тут делаешь-ш-шь?» – прошипел он. Я хотел уже стукнуть его чем-нибудь и удрать, но тут откуда-то издалека послышался голос моего отца: «Господин Цепеняг, я нигде его не вижу...»

Цепеняг бросил взгляд на морду, мигом протасил меня по комнате, вышвырнул в зал и захлопнул за собой дверь. «Я нашел его! – крикнул он. – Мальчик просто заблудился». А голос такой ласковый, будто страшно рад меня видеть.

«Думитру!» – зашедший в зал отец строго посмотрел на меня, но Цепеняг его перебил: «Простите, мне пора... В разделочной ожидает свежая шкура, я должен поскорее вернуться к ней. Надеюсь, приобретение будет радовать вас и ваших клиентов. Чудесный олень. Помнится, после выстрела он пробежал километров пять. Когда я подошел к нему, он еще дышал и смотрел мне в глаза, пока я вгонял в него лезвие. Сильное животное. Теперь его сила будет при вас».

Чучельник проводил нас до двери, и я боялся на него посмотреть. Когда мы уходили, я не выдержал и все-таки обернулся. Его лицо было уже не таким приветливым, и он поглядел так, что меня до сих пор передергивает, как вспомню. Оранжерея за его спиной казалась совершенно обычной, вокруг росли совершенно обычные фруктовые деревья, но я знал, что там на самом деле... Часовая комната, в которой полно дорогих и диких вещей, и золотых птиц с циферблатами в клювах, и доспехи, и еще та самая голова... Интересно, что это было за чудовище?..

Замолчав, Думитру обвел всех мрачным взглядом, и в его глазах горел темный властный огонь. Он продолжил:

– Сегодня мы прокрадемся в тайную галерею и все узнаем. Я уверен, что Чучельник ушел в лес, – он сам говорил отцу про охоту в полнолуние. Так что дом будет пустой. Собак я там не видел, никто не поднимет тревогу. Рядом с забором растет большой дуб, и одна толстая ветка проходит аккуратно над изгородью. Мы заберемся по дереву, по ветке доберемся до забора и спрыгнем возле самой оранжереи.

Задача – найти ту голову и украсть ее. У моего отца полно разных чучел, но такого я еще не видывал. Что это за зверь? И зверь ли вообще? Другого шанса понять, что это такое, может и не быть... А если найдем еще какие-нибудь странные вещи – тоже заберем с собой!

Думитру закончил рассказ. Все молчали: история была потрясающая и действительно загадочная. Я подумал, что дело рискованное и что до этого я ни в чем подобном не участвовал. Но если я сейчас скажу «нет», ребята меня больше никуда не позовут... Отец не раз просил меня ни во что не ввязываться, но я решил пойти с новыми друзьями.

Темными подворотнями наша компания подкралась к дому Чучельника. Он действительно казался пустым. Свет погашен, нигде не горит даже свечка. Оранжерея стояла темная, только стеклянная крыша поблескивала в лунном свете. Первым на ту сторону отправился Думитру. Он влез на дерево и по толстой дубовой ветке подобрался к ограде. Затем ступил с ветки на забор и спрыгнул. Послышался глухой удар. Следом – голос:

– Все чисто! Прыгайте.

Ребята последовали за ним. Передо мной вскарабкался Гелу, а я последним. Оглянулся: подворотня пустая, никого. Отлично! Задрал ногу, зацепился за ветку и тоже перелез через забор, а Думитру недовольно буркнул:

– Новичок, живей.

Кустарниками и мимо садовых деревьев, мы двинулись к оранжерее. Собак действительно не оказалось. Думитру предупредил:

– Обратно уходим по одному. Вы подсадите меня на забор, я вытащу второго, второй – третьего и так далее. Гелу, ты подашь руку Теодору. Никого не бросаем, ясно?

Думитру подергал дверь оранжереи. Заперта. Внутри было темно из-за буйно разросшихся растений с огромными листьями, словно в этой галерее начинался иной неведомый мир. Древний лес, населенный неразгаданными загадками.

Гелу умел обращаться с замками. Он стащил у отца штуку, которая открывала двери. Гелу присел у двери, раздался щелчок, и дверь открылась.

– Молодец! – кивнул Думитру, и Гелу самодовольно улыбнулся.

Гуськом мы двинулись внутрь. Я зашел последним, закрыл за собой дверь и оказался в невероятном, темном и пленительном мире. В оранжерее пахло сырой землей и цветами, чем-то сладким и пряным, от чего голова пошла кругом. Ноги наступали на лианы и корни. Чучельник создал пышный, раскинувшийся во все стороны доисторический мир гигантских папоротников и лиан с листьями размером с блюдо. Над головами висели загадочные плоды, которые я бы не рискнул пробовать. Ребята тоже ошарашенно озирались. Мы двинулись за Думитру тихо и медленно, и казалось, прошел час или два, пока впереди не раздался выдох. Все остановились. Думитру стоял с поднятой рукой.

– Все сюда, – тихо сказал он.

Ребята столпились за его спиной и уставились на нечто, висевшее в зарослях. Луна освещала странное тело: вверху существо было мужчиной, густо обросшим рыжими волосами, а стояло на тяжелых лапах, которые могли принадлежать только медведю. Человек был огромен. Он таращил в пустоту безумные глаза, в которых отражалась луна. И он был мертв. Чучело, которое сделал Цепеняг. И я знал точно – это он убил медведя. Каким образом несчастный попался ему, я не знал. Так или иначе, он погиб. И теперь в оранжерее красовалась его шкура, натянутая на остов, который изготовил Чучельник.

Меня пробрал холод. Затея лезть сюда показалась мне не такой веселой, как прежде. Мне захотелось убраться как можно живее, но Думитру двинулся дальше и указал на следующую находку. Не то человеческая рука, не то лапа лисы. Одна, без тела, она торчала из деревянного основания.

– Эту – в мешок! – скомандовал Думитру.

По мере того как мы продвигались, все ясней слышался странный звук. Тиканье. Словно какие-то крошечные часы отсчитывали время, и волосы на руках встали дыбом от этого жуткого «тики-тики-так», которое разливалось среди тяжелых растений.

– Вон она, та дверь! – воскликнул Думитру.

Он рванулся вперед, ребята за ним, и тут все резко остановились.

– Стойте! Назад, живо! Бежи-и-м!

Думитру промчался мимо нас бледный как саван.

Остальные ребята бросились за ним к выходу, и я тоже. На бегу оглянувшись, я увидел огромного пса, который вовсе не был чучелом. Он сторожил стеклянную дверь в тикающую комнату. Пес застыл в угрожающей позе, негромко рыча. Секунда – и он бросится за нами!

Мы мчались, спотыкаясь об корни, налетая на кадки и обрушивая растения, сбивая листья. Пес поднял морду, и дикий вой заполнил оранжерею. Я бежал так быстро, как мог, и вскоре нагнал Гелу. Позади клацнули зубы, Гелу завопил, оттолкнул меня и рванулся вперед, но наткнулся на сеть. Мгновенье спустя он лежал на земле, и на него с ревом прыгнул волкодав.

Я рывком поднял Гелу на ноги, выдернув его буквально из-под носа собаки, и в следующее мгновение мы оба выскочили из оранжереи. Я захлопнул дверь. Она прикрылась неплотно, видимо, ее удерживал только разболтанный замок. Псина прыгнула на нас, и я увидел жаркую разъявленную пасть по ту сторону двери. Эта тварь бросалась на стекло раз за разом, скребла и била когтями, не переставая выть, а с ее клыков и огромного багрового языка летела слюна и пена. Толчок, снова толчок. Послышался звон. Дверь треснула и осыпалась осколками, лохматая тварь выскочила из оранжереи и бросилась за нами.

Рыжун догадался швырнуть камень и попал псу прямо в морду, на пару секунд его задержав. Думитру уже сидел на заборе и подавал ребятам руку, и те по одному карабкались по кирпичной кладке. Рыжун снова бросил камень в пса – и попал тому в глаз. Животное взвыло и попятилось. Все ребята, кроме меня и Гелу, были уже по ту сторону забора.

– Живее! – завопил Думитру, бросил взгляд на оранжерею и побледнел. От дома направлялся не кто иной, как Чучельник, в руках которого блестело ружье. – Уходим!

Думитру исчез в листве дуба.

Гелу был предпоследним. Когда он очутился на заборе, то развернулся и подал мне руку. Я подпрыгнул, схватил его ладонь и задрал ногу – и в то же мгновение меня обожгла ужасная боль. Словно тысячи крохотных жал впились в кожу, и мое правое бедро онемело. Я вскрикнул и чуть не упал. Попытался оттолкнуться сильнее и вытянуть руку, но все-таки свалился, затем подпрыгнул снова, отпихивая ногой пса... а Гелу руки не подал.

– Извини, – испуганно выдохнул он, и секунду спустя его голова исчезла за забором.

Я услышал удаляющийся топот и свист. Вот и все. Они убежали, словно их не было. А меня бросили. Просто оставили здесь. По *эту* сторону. Я осознал, что до сих пор стою во дворе Чучельника, и мне в спину рычит громадный пес.

Волкодав прижал меня к кирпичной стене. Он не бросался, но словно давал понять: если вздумаю убежать – перегрызет глотку. Я медленно обернулся. Передо мной стоял человек. Я его сразу узнал: такой, каким описывал Думитру. Спутанные космы, злобные, налитые кровью глаза. Черноволосый цыган. Чучельник. Ружье в его руках было направлено прямо на меня. На какое-то мгновение мне показалось, что он сейчас меня застрелит. Но Цепеняг только сплюнул, насупил брови и сказал хриплым голосом:

– Иди за мной.

Под прицелом ружья я потащился к дому. Онемевшую ногу жгло и дергало. Позади следовал пес, и не было речи о том, чтобы убежать. Я кипел от злости. Меня предали. Секунда – я был бы по ту сторону забора! Секунда! Что Гелу стоило подождать, протянуть руку второй раз? Даже с раненой ногой я легко бы перемахнул этот чертов забор! Он не пожелал ждать даже секунды! Чтоб он провалился!

Мы подошли к калитке. Мелькнула мысль, что Цепеняг меня отпустит – вот так просто. Но так, конечно, мог подумать последний дурак. Чучельник хрипло спросил:

– С тобой был сын Круду? Как его там, Дмитриу или Думитру? Я видел его черноволосую голову.

Я молчал.

– Значит, так?

И он отвел меня в полицию.

Следующие полчаса я провел словно в пытке. В полицейском управлении Цепеняг рассказал, что компания подростков вломилась к нему в дом и пыталась украсть коллекцию старинных часов. Он сказал, что мы нанесли оранжерею большой ущерб – разбили стеклянную дверь и уничтожили множество уникальных растений. Полицейский, высокий мужчина с кобурой на поясе, смотрел так сурово, как, бывало, смотрел отец, и мне хотелось провалиться сквозь землю. Я молчал, опустив голову.

Полицейский подошел ко мне вплотную. Повисла тишина.

– Кто был с тобой? Скажешь – пойдешь домой. Или сядешь под замок с другим вором. Говори, и мы тебя отпустим.

Я молчал.

– Мне нужны фамилии и имена твоих дружков.

Имена и фамилии... моих дружков... Я подумал о том, что Думитру даже в голову не пришло проследить, все ли перелезли, – он скрылся, едва увидел Чучельника. Причем он бежал первым оба раза – и от собаки, и от Цепеняга! Подумал о том, что Гелу называл меня другом и «своим парнем», а потом не удосужился подождать секунду, чтобы втащить меня на забор. Ему было плевать.

А то, как он оттолкнул меня в оранжерею! Я помог ему подняться, вытащил из-под пса в последний миг, хотя тварь могла откусить мне руку, так она была близко! Но Гелу хотел спасти только свою задницу. И все другие. Им было плевать, сожрет меня пес или нет, цыган просто застрелит меня или сделает чучело, – им было плевать. Каждый хотел спасти только свою шкуру. Они не были друзьями. Они меня предали.

Я злился, и мне хотелось их унижить и поставить на мое место. Нога горела, сердце бешено колотилось. Кровь прилила к лицу, волосы неприятно липли к потному лбу. Все тело ныло от ссадин и порезов, на руке запеклась кровь, – видимо, собака все-таки укусила, а может, содрал кожу о кирпич, когда прыгал на забор. Меня замутило от ненависти и жутко захотелось, чтобы они почувствовали то же. Все равно мы никогда не будем друзьями.

И я сделал то, что от меня хотели. Назвал имена. Все, какие вспомнил, даже родителей. Всех, кого ребята упоминали. И мне стало легче – совсем чуть-чуть, но эта месть оставила привкус радости во рту, хотя там было полно крови. Теперь их найдут. Они заслужили – я знал, что прав. Безоговорочно прав. Когда я сказал: «...и Думитру Круду», Цепеняг удовлетворенно кивнул.

– Кажется, Думитру уже пятнадцать, – заметил он.

– Пятнадцать? Вот как? – Полицейский все записал и наконец обратился ко мне: – Выходи. Отвезу тебя к родителям.

У меня болела нога, и грудь сдавило яростью, но от последней фразы я пошатнулся. Это было хуже всего случившегося. Я был готов остаться здесь на ночь или на неделю, лишь бы полицейский не узнал, кто мой отец, – но было поздно...

Полицейский стучал в дверь моего дома, а я едва стоял на ногах, мечтая оказаться где угодно, только не здесь. Когда дверь отворилась и на крыльцо упал свет из комнаты, полицейский было заговорил, но осекся – на пороге стоял отец. Он смотрел на нас. И я знал – он смотрит не на полицейского, а на меня. Хотя я не мог знать наверняка. Лицо моего отца скрывала черная ткань.

Глава 3

о том, откуда появился шрам

20 марта

Я думал, что больше их не увижу. Прошла всего пара дней, но казалось – вечность. Я надеялся скоро совсем их забыть – Рыжуна с порезом на лбу, угрюмого Думитру, трусливого Гелу... Но я ошибся.

Я гулял в холмах. Был вечер, и на небе зажглись первые звезды. Хотел обойти могильники стороной – с деревом на окраине меня связывало неприятное воспоминание. Но Север полетел на верхушку Великана, и там я столкнулся нос к носу с Гелу. Он сидел на вершине и, по-видимому, ждал меня. Я думал отступить, но он уже заметил меня и бросился навстречу.

– Теодор! Тео! – Гелу замахал рукой и через секунду очутился рядом со мной. – Привет! Как ты? Бедолага, вот досталось. Слушай, у меня дело. Хочу тебе кое-что показать. Когда мы были в оранжерее, я нашел кое-что... И, – тут он понизил голос, – по-моему, это касается тебя. Помнишь капкан, про который я рассказывал? Ну, в общем... ты должен увидеть.

У меня перехватило дух. Гелу говорил быстро, и его голос звенел от волнения. Что он обнаружил? Я хотел спросить, но Гелу не дал мне времени и потащил за собой. Мы спустились с холмов к городу и завернули в темный проулок, и тут меня осенило. Как Гелу узнал, что меня нужно ждать на Великане? Я ему не говорил, что это мое место.

Я остановился, будто меня шарахнули по голове. Гелу не сразу понял, что я отстал. Когда он обернулся, я попятился, и тут Гелу вскрикнул:

– Эй, он уходит! На мою голову набросили темный мешок и ударили по затылку.

Засада! Я забрыкался, кого-то лягнул, вплепил кому-то пощечину, ударил локтем в невидимый живот. Может, я бы и вырвался, но от удара в голове помутилось, движения стали как у пьяного, я не мог точно определить, откуда доносятся голоса, и несколько раз промахнулся. Мне стянули запястья за спиной и куда-то поволокли.

Я различил низкий голос Думитру:

– Сюда, живей, тащите его! – А затем: – Костер, да давайте же!

Сквозь плотный мешок я увидел свет, запахло паленым волосом, жжеными листьями и дымом. Мешок вонял тухлятиной, и я закашлялся. Мутило по-страшному, тело ныло от ударов. То и дело в бок врезался чей-то ботинок, кто-то больно хватал за волосы через ткань мешка, закидывая мне голову, и орал в ухо:

– Не дергайся!

Свет становился все ярче, послышалось радостное улюлюканье. Ребята, по-видимому, собрались в круг, и Думитру закричал:

– Ты что, не притащил?

– Ха, давайте сосиски сюда!

– Да нет, потом зажарим. Сначала с этим разберемся.

Меня подтащили ближе, и я сделал последнюю попытку вырваться. Дернул ногой и врезал стоящему рядом мальчишке в колено, но тут же кто-то ударил меня в живот. Задохнувшись, я согнулся пополам.

Жар костра чувствовался совсем близко. Казалось, пламя лижет штанину, и я почти угадал. Когда с меня сорвали мешок, обнаружилось, что я стою напротив костра, а меня держат сразу двое. Пламя освещало лица Гелу, Думитру, Рыжуна, Бледного и других ребят.

– А вот и он, – прищурился Думитру. – Наш... стукач.

Повисла тишина. Все пялились на меня, только Рыжун насаживал на палки сосиски. Думитру стоял и смотрел на меня через костер, и в его зрачках плясало пламя. Он скривился:

– Ты – последний урод, Теодор. Ненавижу лгунов и подлецов. Ты остался, не перепрыгнул вовремя, хотя я предупреждал, что уходим все вместе.

– Вранье! Вы сами... – И тут я получил такой удар по груди, что задохнулся.

– Рот закрой! – вскричал Думитру. – Не смей открывать свой поганный рот! Я-то думал, почему тебя ни разу в гимназии не видел. Сразу заподозрил неладное! Я не хотел брать тебя в компанию, но это все Гелу – ныл и ныл, «да он свой парень», «да он нормальный».

– Ну, я думал... – начал Гелу, но когда Думитру свирепо зыркнул на него, мой бывший друг промямлил: – Я же не знал, что он врет...

Он постоял какое-то время с раскрытым ртом, словно готовясь сказать что-то еще. Я испепелял его взглядом, однако Гелу старался не смотреть мне в лицо.

В конце концов он покраснел, закрыл рот и уставился себе под ноги.

– Предатель, – отчеканил я.

Во мне все вскипело, когда я произнес это слово. Ясно же, зачем он пришел туда, на холм. Его подговорили.

– Что ты сказал? – прошипел Думитру, в то время как Гелу затерялся среди толпы. – Предатель – ты, Теодор. Ты – стукач, и знаешь, что с такими делают? Они не достойны жить среди людей! Но, – главарь опасно понизил голос, – ты не просто недостоин. Я знаю твою тайну. Мы все теперь знаем!

Думитру помолчал, обводя глазами всю компанию, и наконец заговорил вновь:

– Он не просто стукач! Этот урод не имеет права жить с нами, с нормальными людьми. Потому, что он – выродок. Мерзкий! Выродок! Колдуна!

Последние слова Думитру выкрикнул, брызгая слюной и страшно выпучив глаза. На лицах ребят вспыхнули отвращение, волнение, испуг. Кто-то зашептался, кто-то грязно выругался.

Думитру обогнул костер и, отстранив одного из державших меня ребят, сунул мне под нос железку:

– Нюхай! Что, страшно? Слышал, вы боитесь железа, да? Страшно? Чертяка! Папочка выродил себе замену, да? Вырастил таким же упырем, который не чтит людские законы? Да откуда тебе знать – шляешься по лесам да могилам. Ничего ты не нормальный, чертово отродье! Ты – урод!

Я глотнул воздуха и просипел:

– Вы сами... уроды.

Думитру помолчал, а потом продолжил, опасно покачивая в руке железкой, тихо и вкрадчиво, и от этого мурашки побежали по коже.

– Да, я понял, что ты нас сдал. Когда ко мне явился полицейский. Но твое предательство обернулось для меня удачей. Полицейский говорил с моими родителями, и я узнал, чей ты сын. И я рассказал ему, что видел твоего отца, что это он приходил к моей тетке в ту последнюю ночь, после которой... – Он запнулся. – После которой она умерла...

Словно весь воздух исчез из моих легких.

– Это был он. Я знаю. Упырь.

На лице Думитру, похожем на маску, как молния мелькнуло тщательно скрываемое чувство. Какой-то миг, но я увидел: там, под этой кожей, человек. И этот человек боится. Быть может, у него внутри таилась боль.

– Он не упырь, – проговорил я. – Ты ошибаешься.

Думитру только ухмыльнулся, услышав мой дрогнувший голос.

– Выгораживаешь своего папашу? Я не знаю, что он делает с людьми, но после этого они умирают. Пусть мне никто не верит. Пусть полиция замаяла это дело. Я найду способ выяснить

правду. Докажу, что твой отец убивает людей. Я знаю это, понял?! Так же прекрасно, как и то, что ты точь-в-точь как он. И когда твоего папашу посадят, тебя будет ждать такая же участь, потому что ты не человек. Ясно тебе? Ясно?

Я молчал, мне хотелось лишь одного: его ударить. Сильно. Больно. Прямо в лицо – сломать нос, рассечь губы!

До этого Думитру никогда не показывал гнева, теперь он орал как ненормальный. Проявилась его истинная сущность: он казался одержимым и при слове «упырь» трясся, словно внутри брыкался бес.

Но он ошибался. Отец не убивал людей. Их, находящихся на грани жизни и смерти, он... спасал.

Рискуя собой каждый раз. Именно это было правдой. В которую ни один человек не верил. Не верил никогда. К отцу обращались только безнадежно больные, которым больше никто не сумел бы помочь. И они обязывались хранить секрет о том, что знахарь их пытался спасти, – ведь это удавалось не всегда, и зачастую люди умирали у него на руках. Но они и так умерли бы! Потом отец уходил в лес и несколько дней не возвращался. Всякий раз корил себя за то, что не сумел помочь. Однако если Смерть положила на кого-то руку – переубедить ее почти невозможно...

Если же он спасал – то целый месяц улыбался.

Только вот люди чувствовали, что отец связан со смертью, – и боялись.

Я знал, что отец – хороший человек, так же ясно, как и то, что никто из города в это не верил. Так же ясно, как и то, что этот одержимый Думитру никогда в жизни не поймет правды. Что бы я ни сказал. Как бы ни объяснял.

Люди верят в то, во что хотят верить.

– Ты – ненормальный, понял? Кивни, урод! Сейчас же кивни!

Меня сильно толкнули в затылок. Я невольно наклонил голову, и в следующее мгновение меня ударили под колени, от чего я упал на землю.

– Вот так! Стой на коленях перед человеком, упырь!

От этой несправедливости внутри вновь полыхнул гнев, хотелось взорваться, кинуться на мучителя и разбить ухмыляющуюся рожу в кровь. Но я был связан. Думитру склонился и задышал на меня. И тут, сам не ожидая от себя, в одну секунду я собрал во рту слюну и кровь и плюнул Думитру в лицо.

Ребята ахнули и выпучили глаза, а он лишь тупо смотрел на меня, ничего не понимая. Но секунду спустя он резко побледнел, отшатнулся и утерся рукавом.

– Мразь, – тихо сказал Думитру.

Я думал, он накинется на меня и изобьет. Не оставит живого места или сломает шею. Но Думитру этого не сделал. Он просто стоял и смотрел, словно чего-то ждал. Затем отошел на пару шагов, подобрал железную палку и сунул ее в костер. Он держал ее довольно долго, вороша в самом сердце костра. И вытащил, только когда увидел, что ее кончик стал красным. Внутри моего живота что-то свернулось от недоброго предчувствия.

Мне стало страшно.

– Ты не просто стукач, – медленно проговорил Думитру, подходя ко мне. – Ты – сын колдуна. Об этом должны знать все. Все люди в Изворе и не только в нем. Тебя будут узнавать. Поверь. Я об этом позабочусь.

Он поднял железный прут, и я увидел его красный кончик. Кто-то спаял полосы, наложив одну на другую, и приделал к концу длинной палки. Крест.

– Держите ему голову!

Поняв, что сейчас будет, я рванулся как сумасшедший. «Бежать, бежать, бежать!» – стучало в голове, но вырваться я не мог. Меня цепко держали руки мальчишек, и отовсюду слышалось довольное и злобное улюлюканье, противный смех и оскорбления, крики, вопли. Я

зажмурил глаза и дернулся в последний раз. Внезапно кто-то закричал, намного громче остальных. Я не сразу понял, что крик этот принадлежит мне.

А дальше была темнота...

Когда я открыл глаза, то лежал на земле. Костер почти затух, я едва различал тлеющие оранжевые угольки. Моя щека прижималась к холодной земле, и от этого было хорошо, но другая полыхала огнем.

Я с трудом приподнялся на локте. Все тело болело. Вокруг никого не было; в подворотне остался только я и бродячий пес, роющийся в мусорной куче.

Откуда-то издали доносился радостный гомон, шум толпы. Раздались хлопки и со свистом в небо взлетели фейерверки. Они взрывались, осыпая городские крыши разноцветными огнями. Там, далеко, люди смеялись и праздновали Равноденствие.

Я почувствовал такую сильную ненависть, что не в силах был ее терпеть. Слезы хлынули из глаз, я хотел сдержаться, но не мог...

Сегодня двадцатое марта. Мой день рождения. Вот-вот часы на городской ратуше пробьют двенадцать. И я забуду этот день, но он останется в памяти моего тела. И в памяти дневника. Я записываю все так подробно, как могу, чтобы, вопреки всему, не забыть.

Теодор, я говорю это тебе – тому, который проснется назавтра со свежим шрамом на щеке, не зная, что и как произошло. Теперь ты знаешь.

И я прошу тебя... нет, я требую: не доверяй людям.

Больше.

Никогда.

Пусть ты забудешь ужасные гримасы их лиц. Пусть ты забудешь их имена. Помни, что они сделали с тобой.

Пообещай мне это. Скажи сейчас вслух: «Я никогда не прощу людей и не доверюсь им. Никогда их не полюблю. Никогда не буду иметь друзей. И не важно, сколько времени пройдет: одна-единственная ночь или целая вечность».

Глава 4

о том, как трудно молчать

Каждый месяц двадцатого числа Тео забирался на Волчий уступ. Это был ритуал. Гора нависала над домиком, где жили родители, и уступ был его любимым местом. Вдали от города, на скале, каменным языком лижущей облака, он ощущал себя удивительно защищенным. Странное это было чувство. Наверное, не каждому дано его понять.

Для многих быть собой – это показывать карикатуру на учителя, когда рядом толпа хохочущих одноклассников. Или гонять мяч с ватагой друзей.

Теодор всего этого не знал. Он ощущал спокойствие только на краю пропасти, где его не могла увидеть ни одна душа на свете. Здесь не было людей. Только тишина, бескрайний лес и туман. Молчаливое небо. Ощущение вечности. Здесь он был самым собой. И – так странно – здесь он был счастлив.

Тео вдохнул холодный январский воздух – в тумане ощущалось что-то неведомое, затаившееся предчувствие весны. Он сидел на скалистом уступе под небом, болтая ногами над пропастью. В лицо дул холодный ветер с запахом хвои и по-свойски трепал волосы. Где-то в гулкой тишине то и дело звенела капель. Голова Тео закружилась, когда он наклонился вперед. Под ногами зияла пустота, а далеко-далеко внизу колыхался океан зеленых елей; тропинка ускользала к подножию горы, тонкая, как нить. Он был в сантиметре от пропасти, и от страха перехватывало дыхание. Но сердце ликовало.

Теодор ощущал скорую весну. Через месяц с небольшим будет Мэрцишор. Тео повяжет на ствол Вековечного дуба красно-белые бумажные цветы и сыграет новую песнь. Еще чуть-чуть, и весенняя мелодия из деревянного флуэра разольется по предгорьям Карпат. Скоро он найдет первый подснежник. А в конце марта, на Весеннее Равноденствие, Теодор станет на год старше. Он ждал этого дня со смесью нетерпения и страха.

20 января

Через два месяца мне исполнится шестнадцать, но помню я себя только с десяти лет. Что было раньше – хоть убей, не могу представить, словно там черный провал и предыдущей жизни не было. Иногда мне страшно от этого, да еще и отец толком не объясняет, почему так произошло. Он сказал, что я «переболел», а чем именно – ни слова. Было бы проще, если б мне сообщили: «Так и так, Тео, в день своего десятилетия ты полез на крышу, потому что хотел достать оттуда воздушного змея, поскользнулся на черепице и грохнулся с двухметровой высоты. Еле кости собрали. Ты потерял память и не мог вспомнить, где твоя правая рука, а где левая нога». Но нет – «переболел».

После того случая я каждый год забываю свой день рождения. Словно чья-то рука вычеркивает дату из календаря. Почему так? Может, в этом году, когда мне исполнится шестнадцать, отец расскажет, что за секрет в этом кроется?

В общем, моя жизнь – сплошная загадка. Иногда мне кажется, что кто-то решил так пошутить и сказал: «А давайте Теодору вместо нормальной судьбы подкинем головоломку? А что? Будет весело поглядеть, как он станет напрягать свои три с половиной извилинки, чтобы разгадать эту паутину тайн! Ха-ха!»

Книжку в кожаном переплете Теодор держал на коленях. Когда-то давным-давно он откопал ее в куче хлама, который отец стащил в сарай. Страницы были пожелтевшие, но пустые.

То, что нужно для дневника. Теодор не ходил даже в церковно-приходскую школу, однако умел писать, и его почерк был на удивление четким. Да и подбирал слова он грамотно.

Теодор открыл начало дневника. История со шрамом. Прочитал запись, чувствуя, как руки вспотели от напряжения.

На слове «предатель» во рту появился мерзкий привкус, как бывает, если откусишь гнилое яблоко. Зазудела щека. Теодор отвел длинную прядь, упавшую на лицо – тут ничего скрывать не нужно, – и продолжил читать. По мере того как он углублялся в историю своего шрама, он ощущал все ближе подступающую волну жара. И наконец, та самая запись...

Тео ее ненавидел. Тысячи раз думал вырвать эту страницу, затолкать в глотку и подавиться чертовой бумагой. «И я прошу тебя... нет, я требую: не доверяй людям. Больше. Никогда». Каждый раз, когда он видел эти строчки, его колотило от ярости. Обида прожигала так, будто в желудок ткнули раскаленной железкой и провернули, и Тео не представлял, что может ощущать такую боль – казалось, огонь разорвет внутренности, и он умрет, если подумает об этом еще раз.

Сердце бухало так, словно хотело удрать из тела.

– Уймись ты! – зло крикнул Теодор. – Черт! Нет, когда-нибудь я отомщу вам. Когда-нибудь я...

И тут вдруг раздался голос:

– Желания исполняются... в Макабр.

Теодор вздрогнул, дернулся и поехал в пустоту. Он извернулся, схватился одной рукой за камень, на котором сидел, и удержался на уступе. Под животом хрустела и осыпалась каменная крошка, исчезая в бело-зеленом море далеко внизу.

С колотящимся сердцем Тео отполз от края. Его била дрожь при одной мысли, что еще секунда – и он рухнул бы в зияющий провал. Тогда только воронье обнаружило бы его среди скал! Теодор сделал пару глубоких вдохов и поднялся на трясущихся ногах.

На уступе было пусто. Только Теодор и ветер, и лишь невдалеке грустно шумели деревья. Теодор опасливо подошел к лесу и всмотрелся в темноту. Никого. Он втянул воздух и почувствовал тот же запах неведомого, что и вначале. Он не мог определить, кому запах принадлежит. Почудилось? Черта с два почудилось! Голос был. Он сказал, что желание сбудется. Этот голос... казался знакомым. Теодор не был уверен, что он принадлежит человеку. Может, слова принесло ветром? Такое бывает в скалах. Или эхо?

Он оглянулся. Не увидев чего-либо подозрительного, откинул длинные волосы и побежал вниз. Дневник гулко хлопал по груди, спрятанный во внутренний карман.

Начинало светать, слышались первые утренние звуки, но Теодора это не беспокоило. Он бежал вперед не останавливаясь, дальше от Волчьего уступа. Что все-таки произошло? «Желания исполняются». Кто это сказал? На уступе же никого не было. Именно это пугало до смерти.

Тео сам не заметил, как оказался внизу. Вон курганы, крыша их домика, над елями занимается заря. Когда он открыл калитку, то услышал звуки, от которых сердце тревожно забилося.

Тео пригнулся и посмотрел в щель забора. Так и есть! Люди. И как умудрились сюда забраться? По тропинке к дому приближались трое: женщина и рыжий парень, чуть старше его самого, вели под руки девушку лет пятнадцати. Тревога! Нужно предупредить отца, они сейчас будут здесь.

Дверь оказалась приоткрыта, Тео заскочил внутрь, но никого не обнаружил. Он выглянул во двор и увидел у задней стены дома отца, который колот дрова. По одному виду Теодора тот понял: что-то случилось, кивнул и скрылся в потайной двери.

Люди остановились, и калитка задрожала от стука. Хорошо, не вломились, как те, в январе. Притащились под Новый год и едва не заметили мать, когда она обращалась...

Отец, уже в непроницаемой черной маске, вместе с Тео подошел к воротам и открыл их. Увидев их, женщина не удивилась, – видимо, ее предупредили. Едва отец взглянул на больную, тут же отступил и жестом пригласил в дом. Женщина прошептала «спасибо» и с помощью рыжего парня буквально затащила обессиленную девушку внутрь. Теодор понял: это надолго. На лице женщины не было страха. Он знал: такие не останавливаются ни перед чем. Люди идут сюда, когда у них нет надежды. Люди без надежды опаснее всех.

– Теодор, – отец задержался на пороге, – скоро вернется мать... Если что...

– Я знаю! – поспешно кивнул Тео. Ему было не по себе от чужаков. Но отца это нисколько не трогало. – Будешь им помогать?

– Да, – сухо ответил отец. – Ее сын подождет на улице. Пригляди за ним. И... не трогай.

Теодор поджал губы. Зачем напоминать? Хотя... Он знал, зачем. С новогодними все вышло скверно. Из-за него, да. Ну что с того? Сами напросились. Теодор знал, он тоже виноват, но люди...

Он молча пошел к колодцу и услышал, как хлопнула дверь, а голос отца загудел где-то внутри дома. Потом дверь раскрылась, Тео оглянулся и увидел на пороге того самого рыжего парня. Парень почесал шрам на лбу, переместил пятерню на макушку и сплюнул. И тут увидел Теодора. Его глаза мигмом округлились.

– Эй, тебя как звать?

Теодор промолчал, будто не расслышал. Скоро придет мать. Ей нужно нагреть воду, чтобы оципать кролика или кого она там поймает. А тут эти... Теодору было не по себе. Что, если в лесу другие и ждут удобного момента? Что, если девчонка для отвлечения внимания? Он не мог унять тревогу. Мать не такая быстрая, как отец. Она внимательная, но только отец может выбраться из западни. Хотя и он попадает впросак, до сих пор хромает после того капкана, так глупо попался...

– Не хочешь говорить?

Теодор опустил ведро в колодец и стал разматывать веревку. Нудная работа, но теперь она казалась спасением. Парень потоптался на пороге и решил подойти ближе.

– У вас не шибко уютно. Неужто нет электричества? Что-то не заметил ни ламп, ни фонаря над входом. – Он оглянулся. – А как без газа живете? На костре готовите? – Он усмехнулся. – А в туалет?

Внезапная догадка его развеселила. Он хохотнул, но Тео поднял голову, и парень заткнулся. Помолчав немного, он нахмурился:

– А твой батя правда лечит все такое? А? Моя сестра больна. С ней творится какая-то чертовщина. – Парень серьезно поглядел на Теодора и скривился. – Чокнутые врачи говорят ерунду. Отослали домой, дали какие-то настойки. Это не помогает. Она не спит второй месяц. Вообще. А доктора болтают, мол, такое не лечится, потому как случается раз на миллион и никто не изучал болячку... Такая вот ерунда, приятель. Только я не верю в эту всю лекарскую болтовню. Я не верю докторам. Любым. А знахарям – тем более.

Ведро гулко бухнуло где-то внизу. Было слышно, как в него заливается вода. Ледяная и колючая. Сердце Теодора сжалось, будто обледенело.

– Я говорил матери не идти сюда, но после того как пропал отец, она немного съехала с катушек. По всяким бабкам-гадалкам ходит. А толку? Интересно, тебе такое знакомо? Это вроде бы твой отец лечит-калечит. Он вообще как, по-твоему, нормальный или тоже немного... просветленный?

Рыжий хмыкнул, но в усмешке Теодор услышал какую-то горечь. Она была словно трухлявый столб, на который надавишь – и рухнет вся ограда. Так можно сломать человека. Парень пытался скрыть болезненное чувство под бравадой, болезненное настолько, что его пальцы подрагивали.

– А ты зачем носишь маску? – вдруг спросил он. – И молчишь? У тебя рот зашит, да?

Теодор, как и отец, надевал маску из черной плотной ткани. Конечно, можно было обойтись и без этого, но ему не хотелось, чтобы его узнали или просто видели изуродованную багровым шрамом щеку. Тео начал крутить колесо, и ведро мало-помалу поднималось, стучаясь о каменную кладку. Утро уже наступило. Неуютно. Он хотел спать и валился с ног от усталости, но отец так долго возился внутри с этой девчонкой... Скорей бы уже закончилось.

Парень ждал ответа, но не услышал ни слова. Его беспокоило то, что происходит в доме, и он начал раздражаться. Рыжий сделал шаг к Теодору, уже вытянувшему из колодца ведро, и тот отшатнулся. Вода плеснула через край ведра на плащ.

– Чего тебе? – хрипло спросил Теодор.

– А-а, значит, умеешь говорить! – обрадовался парень и прищурился. – Ну, давай поговорим. Хочу задать вопрос. Правду говорят, твой батя – самоубиец?

Теодор вздрогнул. Внутри поднялась волна ярости, и он сдерживался из последних сил. Отец будет зол. Очень зол. Нужно терпеть. Еще чуть-чуть, дверь откроется, отец выпустит горожан, и они уйдут. Навсегда. Нужно немного подождать.

– Может, конечно, и не он, – продолжал рыжий, – да только дядька сказывал, что больно на того смахивает, которого он из воды вытаскивал. Говорит, давно это было. Один мужичонка решил с собой порешить и сиганул с моста в воду, в самое мутное место. Думал, никого вечером не будет, да кто-то увидел и позвал народ. Ну, дядька да еще пара человек из ближних домов выскочили – и к реке. Стали вытаскивать, а там водоворот бурлит, не подступишься, и мужичонку мигом затянуло. Он, зная, не дурак был – сообразил, куда прыгнуть, чтоб наверняка. Но его таки вытянули, только непонятно было, мертвяк он или нет, позвали врача. Врач сказал, сердце остановилось, не дышит. Хотели на следующий день хоронить, а он, оказалось, не до конца умер, и доктор подтвердил, что ошибся, вроде такое бывает – человек крепко спит, а его за мертвого принимают и чуть было не хоронят.

Парень умолк. Было видно, ему эта история по душе. Он подождал, пока Теодор все осознает, а когда понял, что его рассказ не по нраву, усмехнулся и чтобы совсем вывести Теодора из себя, добавил:

– А потом самоубиец странные вещи стал делать – в лес ходить, травы собирать, людей лечить. Говорили, ему после обмирания открылось что-то, вроде как дар или колдунская сила. Только это давно было, потом пропал он. Может, вправду твой, а? Мой дядька уверен, твой. И кое-кто дядьке верит, он не промах, в одиночку медведя завалил. Ну я-то не знаю, правда или нет, меня там не было. Вот *ты-то* наверняка знаешь.

Все случилось в одно мгновение. Рука Теодора с ведром рванулась вверх, вода ледяным языком выплеснулась на ноги парня, а потом Тео шагнул вперед и прижал обидчика к стене, вдавив ведро ему в грудь. Рыжий резко выдохнул. Теодор чувствовал, как его горло тоже сжимается – от гнева. Он зло уставился парню в глаза.

– Закрой рот, иначе я залью тебе в глотку все это ведро, понял?!

Теодор слышал свой голос, звучащий словно издали, и еле видел из-за застлавшей глаза багровой пелены. Он нажал сильнее, и парень вытаращил глаза и захрипел. Хлопнула дверь, и Теодор тут же отступил. Из дома вышел отец. Он остановился и оглядел парней: штаны и нижний край куртки гостя были насквозь мокрые.

– Я поскользнулся.

Теодор грохнул ведро на землю и бросился в дом, едва не столкнувшись с женщиной на пороге. Уже внутри он сорвал с лица ткань и тут увидел, что не один. Девушка сидела на кровати, свесив бледные ноги, и смотрела на него. Под ее глазами синели круги, кожа была землисто-серой.

– Филин... твой?

Она посмотрела на Севера, который, нахохлившись, таращился на нее с балки. Птица тяжело скользнула на кровать и села рядом с девушкой. Та хотела погладить филина, но рука бессильно упала на покрывало. Север ухнул и перелетел к Теодору.

– Она что-то сказала? – В дверях появилась встревоженная женщина и уставилась на дочь. – Оана! Девочка моя!

Она бросилась к кровати и обняла девушку. Та слабо улыбалась, но выглядела так, словно не понимает, что происходит.

– Она говорила! Лазар! Идите сюда... это чудо какое-то, как же я вам благодарна... Ах, Оана, солнышко! – Женщина заплакала навзрыд, прижимая дочь к себе.

Теодор смотрел на девушку, а та на него. Во взглядах обоих было что-то странное, сверхъестественное, и он не понимал, что. Он не чувствовал страха или ненависти. Наоборот. Вся злость куда-то улетучилась. На ее место пришло что-то другое – непонятное теплое чувство, которое он до этого никогда не испытывал. Как оно называется, Теодор не знал.

Глава 5

о том, что у звезды бывает хвост

Теодор упал на кровать. Какая долгая ночь... Он вырубился мгновенно, не сняв плаща, и проспал весь день. Обычно во снах он бежал по любимым тропинкам и был лисом или волком. Но чаще – филином с огромными крыльями. Ему снилось, что он встречает Севера и они вместе пролетают над Волчьим уступом и устремляются ввысь, где светят холодные звезды. А сегодня ему снилась падающая звезда – огромная, перечеркнувшая все небо сияющим хвостом. И почему-то звучало слово «Макабр». Много-много раз. И голос, который его говорил, был до боли знаком...

Тео проснулся в сумерках. Ночью он и родители бодрствовали, – так повелось, еще одна семейная традиция. Днем родители запирали двор на засов и спали, убаюканные пением дремучего леса.

Теодор перевернулся на бок. Грудь болела. Он спал на чем-то твердом. Дневник! Тео рывком сел и достал книжку. Все-таки что же случилось там, на Волчьем уступе? «Желания исполняются». Теодор решил рассказать отцу.

– Теодор... – Мать стояла в дверях, и ее раскосые глаза смотрели как обычно – один на сына, а другой вбок. Оба родителя были косоглазы. Странно, что с такой наследственностью у него нормальное зрение. Мать неловко пригладила передник. – Папе нужна помощь. Я поймала олененка.

Ничего себе! Теодор мигом отложил дневник и вышел во двор. Отец уже разделявал добычу. Он подал Тео нож, и тот склонился над тушкой. Отец не говорил ни слова. На небе высypали созвездия, и далеко над лесом раскинулась Большая Медведица.

– Как мама смогла поймать оленя?

Отец поднял голову. Ему явно не хотелось говорить.

– Кривая нога. – Он приподнял тушку. – С рождения хромой. Такие долго не живут. Лучше нам достанется, чем упадет в овраг и сгинет без пользы.

Да, Теодор понимал, что в одиночку даже отцу со здоровым олененком не справиться. Все же мама молодец! Теодор восхищался тем, что умели родители. Отец и мать были перекидыши и умели обращаться лисами. Как они этому научились, Теодору не рассказывали. Он перекидываться не мог и когда видел, что отец возвращается из гор лисом, у него покалывало в груди от зависти. Однако это была не такая зависть, что прожигает нутро, нет. Тео просто хотел быть как они.

– Я тоже буду... лисом?

Отец замер. Потом проговорил:

– Не знаю. Никто не знает.

– Почему? Я хочу уже понять.

Отец распрямился. Достал из кармана коробок и чиркнул спичкой. Неоожиданно головка ярко вспыхнула, полетела и вцепилась в рыжую шкуру, висющую на плече.

– Черт!

Отец проглотил скверное слово, стряхивая накидку, и, как только погасил пламя, тут же поспешно набросил снова. Накидка была не просто мехом, а его шкурой. Отец тяжело выдохнул, глядя на обожженные пальцы. Его с рождения преследовал огонь. Едва он разжигал лучину или оказывался у костра, пламя так и тянулось к нему. И в том, что Теодору выжгли метку, отец винил себя, посчитав, что передал сыну часть своей судьбы. Хотя сам Теодор ни разу об этом не заикнулся.

– Не подгоняй судьбу. Что случится, то случится. А нет – значит, не суждено.

– Неужели? – Теодор с яростью сдернул шкуру с олененка. – Мне приходится карабкаться по скалам на своих двоих. И только! Я бы хотел, как вы... как Север. Обратился – и полетел. И видишь оттуда, сверху, всю землю. Леса, и реки, и моря... и все – твое, только твое! Хочу быть перекидышем. Я не хочу быть каким-то человеком! Когда уже это случится?

– Ты – человек, Теодор. Ты можешь все. Даже то, что не могу я. Быть перекидышем не так уж... здорово.

Теодор упрямо замотал головой и хотел что-то сказать, но отец его перебил:

– Хватит. Ты вчера скверно поступил с тем парнем. Я уверен, он не хотел ничего плохого. Он был напуган. Зачем ты его облил?

– Затем!

– Ты злой, Теодор. Злость толкает тебя туда, откуда возврата нет.

– О чем ты?

– Я говорю, что знаю. А я много жил и много знаю, поверь. Тебе нельзя злиться на людей. Каждый поступает дурно. Они. Ты. Я.

– Ты? – Тео удивился. – Ты всегда делал только хорошее.

Отец покачал головой и потер руку – на косточках пальцев ожили два рисунка: свеча и ключ. Теодор не знал, откуда они взялись.

– Тео, тебе в жизни нужно научиться одному: любить.

– Любить? – Теодор ткнул в свою щеку. – Взять и простить это? *Как* я могу любить?

Отец скривился. Задержал взгляд на шраме – этом ужасном кресте, – и в его глазах на какое-то мгновение словно погасло солнце и настала полночь. Холодная, полная боли. Некоторое время он молчал, не находя слов, затем покачал головой, прикрыв веки. Теодор видел, как трудно дается ему эта фраза:

– Я не виню тебя за то, что ты видишь в людях плохое. Ты прав.

Внутри Тео что-то сжалось от этих слов.

– Я виню, что не видишь хорошее.

Тео ответил уже менее уверенно:

– Они волнуются только о себе...

– Не все. Люди заботятся друг о друге. Вчера мать девочки была готова на все, чтобы ее вылечить. Разве ты не видел? Они тоже умеют любить. Даже решились прийти сюда. А ведь в городе обо мне такое болтают...

– Они... – Теодор захлебнулся словами, ткнул пальцем за курганы. – Отец! Да разве не горожане на тебя поставили капкан? Чуть не поймали. Ты потом месяц не мог с кровати встать. Что они тебе хорошего сделали? За что же ты их так любишь? Я не могу понять... И этот соплук, он говорил...

Теодор осекся. Отец – самоубийца? Это неправда. Но сейчас, глядя на него, Теодор понял, как мало о нем знает.

– Сколько тебе лет?

– Что? – Отец поднял бровь.

Это был простой вопрос. Его может задать любой человек, с которым ты разговоришься на ярмарке. «Как тебя зовут? Сколько тебе лет?» Теодор и этого не знал.

Сейчас отец молчал. На вид ему было около пятидесяти. Вытянутое лицо со шрамом на переносице, которую не раз ломали. Каким образом? Теодор не знал. С ним не говорили о прошлом. Отцовское лицо будто сползло: щеки обвисли, брови всегда хмурились, а уголки рта были грустно опущены. При встрече с горожанами он держался прямо, хотя чувствовалось: что-то гнет его к земле. Ему было трудно поднимать топор и полные ведра. Он быстро уставал. Но единственный из семьи иногда бодрствовал днем. Вставал засветло, ложился позже всех. Теодор знал, что отец, бывало, оставался в пустом дворе и наблюдал за восходом солнца в тишине.

– Так сколько тебе лет?

Послышались быстрые шаги. Мама принесла кастрюлю.

– Паленым пахнет, – мягко заметила она. – Что случилось?

– Шкуру подпалил...

Мама была маленькой женщиной с очками на грустном лице. Когда она перекидывалась, очки превращались в круги возле глаз. Ее цветастое платье обметало подолом землю, на плечах колыхалась рыжая накидка. Не такая огненная, как у отца, но и не такая потрепанная.

– Кстати, – сказал Теодор, – мне приснилась звезда. Странная такая: за ней по небу тянулось какое-то свечение, вроде как хвост.

– Хвост? – нахмурился отец. – Есть звезды с хвостом. Кометы. Блуждающие странники в космосе, которые прилетают раз в сто или тысячу лет. В такое время происходят странные вещи... Открываются разные истины. Для тех, кто умеет читать.

– А вчера на вершине горы я слышал голос.

– Чей?

«Желания исполняются... в Макабр». Тео внезапно понял, чей это был голос.

– Мой.

Отец замер и пристально посмотрел Тео в глаза. Казалось, прошла вечность.

– И что он сказал?

– Теодор! – позвала мать. – Тео, отнеси шкуру в дом, пожалуйста.

Тео показалось, что она вмешалась специально. Что же происходит у них в семье? Он чувствовал какие-то секреты и по дороге к дому оглянулся: родители, склонившись друг к другу, перешептывались.

Они всегда объясняли, что у них свой мир – мир перекидышей. Однако это было уже чересчур.

Теодор заходил в дом, когда услышал этот звук. Шаги. Не мягкие скачки забежавшего зайца или гулкое топание кабана. Шаги принадлежали человеку. И он уже знал кому.

Глава 6

о той, у кого нет имени

Теодор стоял у стены и подслушивал. Он часто так делал и знал, что отец называл его злым, а мать защищала. Тео любил ее. Несмотря на то, что мама поддерживала отца и повторяла, мол, нужно дружить с людьми. Отсылала Тео с поручениями, надеясь, что он разговорится с детьми и подружится. Напрасно. Он бросал травы на пороге и убегал.

Сейчас на крыльце стояла чужая мать. Но Теодор узнавал интонации в ее голосе, – такие же умоляющие, как иногда у его мамы. Лекарство отца помогло, но ненадолго. Врачи сказали, девочке осталось не больше недели. Она не понимает, где находится. Не ест. У нее начались галлюцинации, она повторяет одно слово: «Назад». Сегодня у нее поднялась температура. Если она не сойдет с ума, то сгорит, – ее кровь свернется, не выдержав температуры. Теодор слышал, как женщина всхлипывает и о чем-то умоляет, а отец не соглашается. Они говорили о каком-то обряде, очень опасном.

Теодор вспомнил, как они с девушкой смотрели друг другу в глаза. Значит, она умирает. Ему стало грустно.

Отец когда-то рассказывал, как научился лечить. Однажды в шкуре лиса попался охотнику. Это было далеко от дома, он потерял много крови. Упал от бессилия в траву и вдруг ощутил запах, который показался ему бодрящим. Отец съел траву и почувствовал себя лучше. Так он узнал тайные свойства растений, которые усиливают чувства. Если человек жил в страхе, отец лечил его теми растениями, что успокаивают. Если человек не мог преодолеть трудности, он находил траву, разгоняющую кровь.

Отец чувствовал, что нужно человеку. Это был его дар. Похоже на колдовство, но на деле – просто интуиция. Он угадывал, общаясь с близкими больного. Но что требуется для девочки, которая не может спать? Теодор слышал о таком впервые.

– Я готова... – Теодор услышал долгий вздох. – Если что, брат позаботится о детях.

Заскрипели ступени. Теодор едва заскочил в комнату, как появился отец. Он прошагал в спальню, вышел оттуда с сумкой, затем отвязал от балки полотняный сверток и принялся отсчитывать семена.

Вытирая руки полотенцем, вышла мать:

– Она там, на улице? Бедная женщина. Что у нее стряслось?

– Сначала пропал муж. Ночью поссорились, и он вышел, хлопнув дверью. Девочка все слышала. Каждую ночь просыпалась, ждала, что отец вот-вот войдет. Но он не возвращался, девочка стала просыпаться все чаще, и в конце концов перестала спать вовсе. Третий месяц мучается, врачи от нее отказались, а мои травы... тоже не помогли. Ей нужно почувствовать отца. Чтобы не ощущать вину. Тогда она перестанет ждать и уснет.

– Жаль малышку, – вздохнула мать. – Память о ком-то стереть невозможно. Бедный ребенок, такая короткая жизнь...

– Возможно, она выберется, Мария...

– Что ты хочешь сказать?

Отец достал из еще одного полотняного свертка корень, похожий на голову. Мертвый корень. Один глаз Марии уставился на мужа, другой на Теодора.

– Что ты имеешь в виду, Лазар? Ты снова согласился ее лечить? Ей же ничего не поможет. Ничего!

Отец поглядел в окно. На фоне лилового неба темнели курганы.

– Есть кое-что...

Он сжал кулак, отчего синеватый ключ растянулся. Потер сломанную переносицу и после паузы ответил:

– Ей поможет Связывание.

Мать приглушенно вскрикнула. В ее возгласе были удивление и досада.

– Лазар! Посмотри на меня. – Она заставила мужа отвернуться от окна. – Ты клялся больше этого не делать!

– Девочку нужно связать с матерью, чтобы она получила часть ее жизненных сил – так чаша весов Смерти придет в равновесие. У меня нет выбора. Иначе она умрет.

– Значит, она *должна* умереть! Ты постоянно рискуешь из-за своего лечения, помогаешь этим... этим...

– Мария! – Отец повысил голос.

Лазар никогда не кричал. Всегда разговаривал спокойно, что бы ни происходило – даже когда его грозили убить и вздернуть за ноги на осине. Сейчас он был зол.

– Ей суждено уйти раньше времени, – тише сказала мать. – Я думаю, даже не сможет... – Она осеклась. – Девочку жаль... Бедняжка. Я видела ее мать. Понимаю, она готова на все ради ребенка. Хотя у нее еще сын, и если... он останется один... Я бы тоже все сделала ради нашего мальчика.

Теодор поежился. Он не любил, когда мама говорила так о нем.

– Это решение матери. Только ее.

– Ты уже предложил ей?!

– Да.

Во взгляде отца блеснул нехороший огонь, который порой замечал Теодор. Отблеск чего-то давнего, о чем отец молчал. Наконец он прикрыл глаза и ссутулился. Бремя забот упало на его плечи, придавив тяжестью гробовой крышки. Отец повернулся к Теодору, скривил рот и сказал более сипло, чем обычно:

– Ты поможешь мне?

Теодор молчал. Он должен будет пойти с ним? К людям?

– Сын?

Теодор дернулся. Крик. Он и правда услышал его, раздавшийся где-то глубоко внутри. «Я их ненавижу!» Голос был детским, но злость, которая в них кричала, – взрослой. Теодор сглотнул и, пошатнувшись, вышел за дверь. Он не мог дать ответ.

* * *

Лазар стоял возле входной двери. Женщина переминалась с ноги на ногу у калитки, дрожа от холода. Или от волнения?

– Я не могу больше это терпеть, Мария. Он должен жить в городе. Я должен отправить его туда.

Сердце Теодора подскочило к глотке и сделало кульбит. Что это значит? Отправить к людям?

– Он еще мальчик! И ты берешь его с собой на лечение. Ты что, Лазар? Он не пойдет. Он – мой сын!

– Мне не справиться без помощи. Там нужен помощник. И он – взрослый.

– Но ему всего пятнадцать!

– Почти шестнадцать. Тео должен научиться лечить людей. Может, тогда он их полюбит. Чем дольше он живет с нами, тем меньше походит на человека. Та дружба, в которой он разочаровался, была не настоящей дружбой. Он еще никогда не дружил, не любил – а значит, не жил. Ты знаешь, что ему предстоит выбор. Если он не узнает, за что имеет смысл держаться... Что тогда будет?.. Это его последний шанс...

Теодор испугался. К людям? Его отправят жить в Извор? Или в другой город? Но как же лес, Север, ночные вылазки, Волчий уступ? Отец сошел с ума, если думает, что Теодору в каком-то городе будет хорошо. Как он сможет жить среди людей, да еще и с таким лицом?!

Отец выскочил из дома, хлопнув дверью. Сумка сползала с его плеча при каждом шаге и позвякивала на все лады. Тео понял, что другого шанса не будет, бросился в дом, схватил с полки черную тряпку и уже через минуту шагал рядом с отцом. Оба не сказали ни слова, но Теодор чувствовал: взгляд отца потеплел.

За курганами начинался Извор.

Одно- и двухэтажные дома, крытые черепицей. Каменная мостовая петляла, разветвлялась на проулки, а порой и тупики. Городок больше походил на большую деревню. Поутру в окна дышал лес и заползал хмурый туман. А если выглянуть ночью, можно было увидеть сов, которые жили своей жизнью, – ужасно таинственной и по-своему прекрасной.

На окраине Извора у реки высилась старая мельница, и ветер гудел в ее пустых черпаках. Говорят, жить рядом с мельницей – дурное дело, однако семья девочки жила здесь.

Они вошли во двор, где стоял давно не крашенный домик. На его крыше темнело тележное колесо, опутанное ветками, – гнездо аистов. Внутри дома было тихо и сумрачно – Лазар приказал не включать свет. Кроме того, никто из семьи не должен был рассказывать, что им помогает знахарь.

Женщина, согласившаяся на Связывание, должна была доверить знахарю две жизни – свою и ребенка. Связывание не давало никаких гарантий. Кто-то мог умереть. А может, оба. Этот обряд можно было проводить только в крайних случаях, когда уж совсем нечего терять. Теодор смутно помнил, что отец делал такое всего несколько раз; и в двух случаях выжили оба: и больной, и тот, кто согласился рискнуть ради него жизнью. Что случилось с остальными, Тео не знал.

Лазар плотно запер дверь и завесил окна, сварил траву, влил немного в рот Оаны и дал чашку ее матери. По запаху Теодор узнал сонную фиалку.

– Я проснусь? – спросила женщина. – Вы сказали...

– Я сказал, что не знаю. – В голосе отца было спокойствие. Он смотрел на этих людей так, как никогда бы не смог Теодор, с таким теплом и волнением, что защемило в груди. – Я постараюсь помочь вам обоим. Даю слово. Спите спокойно.

Глаза женщины закрылись, и ее голова свесилась набок. Теодор помог отцу уложить мать рядом с дочерью. Лазар достал нож с тонким лезвием и прочертил полосу на ладони женщины, прямо по линии жизни. Потом взял руку Оаны, проделал то же самое и сомкнул их ладони, приложив линию к линии. Объединяя их жизни и кровь в одну.

– Держи их за руки. Пожалуйста.

Лазар достал Мертвый корень и погасил свечу. Он делал это всегда только пальцами, никогда – дуновением. Теодор ничего не видел, не знал, где отец, и что происходит. Но чувствовал запах корня. Горький, от которого щипало горло. Теодор сжимал руки женщины и ее дочери и тут осознал, что впервые прикасается к девушке. Это было так странно.

Внутри что-то оборвалось.

Теодор никогда прежде не чувствовал такую кожу. Нежную и гладкую, как бутоны лесных цветов, распускающихся весной. Он любил проходить мимо ручьев, мимоходом касаясь пальцами диких лесных тюльпанов. Их шелковистые лепестки щекотали, приятно ласкали его руки, загрубевшие от древесной коры, покрытые сеточкой шрамов. В этот момент ему казалось, что весна пришла не в лес.

Ему казалось – весна пришла в его сердце.

Теодор избегал людей, не приближался к ним. Если касался – то чтобы ударить. А тут впервые взял кого-то за руку с мирной целью. Девушку. От этого он почувствовал непонятное

волнение и даже не мог определить, хорошее или нет. Сердце подпрыгивало и колотилось, словно он бежал в гору без остановки и теперь, задыхаясь, стоял на самой вершине.

Что происходит?

На запястье Оаны, тонком и горячем, билась жилка. Теодор сглотнул и сжал пальцы чуть крепче – но не грубо, как хватал чье-то горло, а совсем мягко. Он закрыл глаза, и мир вокруг исчез. Осталось лишь это прикосновение: жаркое и пульсирующее так быстро, что он едва успевал считать. Тео вдыхал горький запах корня и слышал, как дышит Оана. И на сердце его стало легче.

Прошел час или два – он не знал. Жилка на руке девушки начала успокаиваться и неожиданно затихла.

– Она здесь. Выйди.

Теодор не сразу понял, что отец обращается к нему. Он разжал руки и встал пошатываясь. На ощупь вышел наружу. Ночной холод сразу же отрезвил, но Теодор чувствовал – щеки так и горят под черной тканью.

И тут он увидел ее. Она сидела у забора на жухлой траве, покрытой снегом и льдом. Черная и самая костлявая из сотен, нет, тысяч виденных им собак. Как этот ходячий скелет до сих пор не рассыпался? Собака сидела не шевелясь и смотрела на дверь. Луна вышла из-за туч, осветила животное, и у Теодора сжалось сердце. По коже поползли мурашки – до того жуткое было зрелище. Пес перевел взгляд на Тео, и ему показалось, что сейчас зверь откроет пасть и что-нибудь скажет человеческим голосом.

Услышав позади шаги, Теодор обернулся. На крыльце стоял рыжий сын хозяйки и тянул руку к двери.

– Эй! Не смей открывать! Туда нельзя.

– Почему это?

Теодор бросил быстрый взгляд назад – собака исчезла. Черт, дурацкий сынуля. Он уже забыл про эту занозу.

– Если не хочешь неприятностей – стой здесь.

– Почему там темно? Сколько еще ждать?

– Сколько потребуется. Отец занят, не лезь не в свое дело. Просто жди.

– Мне надоело ждать! – огрызнулся рыжий. – Сколько можно? Она выздоровеет. Жди. Лекарства закончились. Жди. Временные трудности. Жди. Отец вернется. Жди. Все будет хорошо. Жди. Надоело!

– Если хочешь, чтобы все закончилось хорошо, заткнись и не мешай.

– И этот туда же! Ты, красавчик, я погляжу, умнее всех! Да с какого все закончится, а? Мать сказала ей, что отец вернется, вот на кой ляд? Лучше б молчала. Оана только обрадовалась, как и я, что он пропал и не вернется. Это мать извелась вся – ах-ах, ушел. Будто забыла, как он исколотил Оану за день до этого!

– Отец побил ее?

– Да, – буркнул рыжий, – за то, что встряла в разговор, когда он с мамкой ругался. Он ей и врезал разок. Оана так и лежала до вечера, а он ушел. Теперь сестра боится, что придет. А он ушел к той тетке, которая живет на углу за пивоварней. Я все про них знаю давно.

Теодор вскипел. Вот оно что! Эта женщина не рассказала отцу всей правды! Она виновата в том, что случилось, она и ее муж. И так всегда выходит: отец приходит им помогать, жертвуя собой каждый раз, спасаясь от расправы, а все потому, что люди сволочи и вруны! Чтоб они провалились, мысленно выругался Теодор. Его кулаки сжались, и в кончиках пальцев закололо. Люди! Теодор ненавидел людей. Они всегда думали только о себе. Им плевать на собственных детенышей. Даже волки в лесу, даже мыши в подвалах заботятся о потомстве. Но горожанам – плевать.

И тут Тео испугался другой мысли. Что, если из-за этого вранья отец проводит обряд не так, как нужно? Ведь он думает, что девушка ждет отца, а все наоборот... Он подумал зайти, но рыжий опередил его, схватившись за ручку.

– Стой, тебе говорят!

Теодор буквально взлетел на крыльцо и оттолкнул рыжего. Тот насупился и снова шагнул к двери:

– Отвали, урод.

Теодор вспыхнул. Дети, которые встречали его без маски, кричали: «Глядите, что у него с лицом?», «Вот урод!» Тео с размаху влепил парню такую пощечину, что тот слетел с крыльца.

Рыжий лежал в снегу и не шевелился. Теодор тяжело дышал. Что он наделал? Отец просил не вмешиваться, не лезть... Тео подошел к парню, склонился над ним... А тот вдруг подскочил и попытался сорвать с него маску.

– Ты-то чего морду прячешь? – прошипел он. – Рылом не вышел? Или... погоди-ка... Я знаю, кто ты! Знаю! Тот самый сын упыря! Тебе Думитру клеймо поставил!

Тео содрогнулся всем телом, впившись в рыжего взглядом, а тот ахнул и в ужасе устоялся на дверь.

– Вот мразь! Он же не лекарь. Он упырь! Он высосет из них кровь!

Рыжий бросился к крыльцу, отпихнув Теодора, и дернул дверь. В дом ворвался морозный воздух, темнота всколыхнулась. Послышался тоскливый протяжный вздох.

– Закрой! Закрой, быстро!

Теодор вцепился в парня, а тот упирался и брыкался. Дверь захлопнулась, и рыжий рвался к ней с дикими воплями: «Упырь! Чертов упырь!» Теодор зажал ему рот, но тут же почувствовал дикую боль в пальцах. «Укусил, сволочь!» Он столкнул парня с крыльца и прыгнул сверху.

Рыжий встретил Тео ударом сапога в живот. Теодор согнулся, хрипло выругавшись, но тут же отбил второй удар и навалился на противника, зажимая ему рот обеими руками.

Скорей бы отец заканчивал! По времени обряд должен уже завершаться. Но в любом случае если Тео не вырубит рыжего, тот разбудит соседей. Парень задержался как сумасшедший, видимо подумав, что Теодор хочет его задушить, наклонил лицо так, чтобы нельзя было достать до шеи, и вмазал со всей дури вслепую. Его удар пришелся аккурат в глаз Тео. Хотя Теодор дрался часто и знал, как закрыться и как напасть, парень был выше и крепче. Тео замешкался и упустил момент.

Рыжий сбросил его, вскочил на ноги и побежал к забору, истошно вопя:

– Дядя! Помогите! На помощь! Сюда, скор...

В следующее мгновение Тео нагнал его и поставил подножку. Парень влетел в штабель из досок, ударился головой и затих.

Тео откашлялся и замер: не идет ли кто? Но от гула прилившей крови заложило уши, и он слышал только биение собственного сердца. Теодор перевернул противника на спину. Крови нет, вроде дышит. Значит, просто ударился и потерял сознание. Надолго ли?

Немного отдышавшись, Теодор насторожился: где-то хлопнула дверь, затем послышался приближающийся к воротам топот, встревоженные голоса и недоуменные вскрики. Теодор рванулся на другую сторону дома, мимо сарая, – туда, куда выходило окно спальни. Он должен предупредить отца! Взрослые мужчины – не один мальчишка, их не остановишь. А увидев Теодора, они и вовсе повяжут его за одну только морду.

– Эй, кто там? Здесь кто-то есть? – У задней калитки стоял мужик.

Теодор упал на землю за еще одним штабелем и затих с колотящимся в горле сердцем. Между забором и стеной дома был зазор, который просматривался от калитки. У ворот наперебой повторяли:

– Эй, Джета! Открой! Все в порядке? Оана? Дан?

Черт, что же делать? Мысли лихорадочно вертелись в голове Теодора. Еще чуть-чуть – и люди войдут в дом! А вдруг отец не слышит этих воплей? Теодор выглянул из-за досок и снова увидел собаку.

Она сидела, облезлая и пугающе худая, и не отрывала взгляда от темного окна спальни, словно ждала чего-то: краюхи хлеба или кости. Хотя окно было заперто и оттуда не тянуло едой, глаза собаки жадно впились в черное стекло. Она смотрела и смотрела, словно гипнотизируя пустоту, и это-то было... страшно.

Снова вышла луна, и Теодору почудился какой-то вой. Едва слышимый, но продирающий до самых костей, он доносился издали – не то с холмов, не то из-под земли, не то в его голове. И вой этот показался ему самым тоскливым на свете. Будто чья-то душа зовет чужую душу. Будто кто-то очень далекий взывает к нескорой весне.

Теодор поднял с земли камень и, улучив момент, запустил в окно. Раздался звон, на землю рядом с собакой посыпались осколки. Вой прервался. Собака обернулась и уставилась на Теодора. И в тот миг он понял одно: он пропал.

Теодор не знал, почему подумал это, но он определенно пропал. Собака крадучись стала подбираться к его укрытию, и земля под ее лапами покрывалась коркой льда. Мужчина наконец открыл калитку и сразу побежал во двор, к воротам. Ровно за две секунды до того как послышался вопль: «Смотрите, здесь Дан!», распахнулось окно спальни, и оттуда выскочил отец. Собаки уже не было. Она исчезла.

– Эй, там, за домом кто-то есть!

Теодор бросился к отцу, и тот толкнул Теодора к приоткрытой двери сарая. В самый последний момент они успели ее захлопнуть. На задний двор вбежали люди. Чей-то бас прогрохотал:

- Что за бесовщина тут происходит?
- Кто-то разбил окно! И смотри, свежие следы!
- Это воры! Наверняка те, что вчера залезли к Миреле.
- Ушли?
- Тсс. Тише.

Наступила тишина. Теодор стоял среди каких-то ящиков и бочек, пахло ржавчиной и железом. Он плохо видел из-за темноты, яркий лунный свет едва пробивался через щели в потолке. Он старался не дышать, но, казалось, сердце колотится так громко, как в церкви бьет набат: бух-бух-бух. Снаружи было необычно тихо. А потом он услышал щелчок. В двери сарая кто-то поспешно повернул ключ. Вот и все. Люди догадались, что они здесь. Их заперли!

– Он там, – сказал негромкий бас. – Вызывайте полицию.

Внезапно из дома донесся женский вопль – такой, что у Теодора волосы встали дыбом.

– Что там случилось? Идите посмотрите!

Двое убежали, оставив сарай под присмотром третьего – по дребезжащему голосу Теодор понял, что это старик. Вот и шанс. Тео почувствовал, как его тянут назад. Отец тихо вел его за собой, пробираясь среди нагромождений старой мебели, ящиков, тачек и какой-то металлической рухляди. В задней стене сарая, выстроенного по всей длине дома, оказалась маленькая дверка. Теодор ни за что бы не догадался, что в хозяйственной постройке может быть вторая дверь!

Тео задел колесо, и оно провернулось, сбросив слой пыли, которая попала Теодору в нос. Он сдерживался до последнего, но все-таки приглушенно чихнул. Черт! Наверняка снаружи слышали. Точно – сбоку послышались шаги: видимо, сторож пошел в обход сарая. Догадался, что они в дальней части.

Лазар достал какой-то инструмент, воткнул его тонкий металлический крючок в замочную скважину и через десять секунд распахнул дверь. Вовремя. Сторож уже стоял рядом. Створка хлопнула его по лбу, и старик вскрикнул. Лазар отпихнул его дверью к стене, и отец

и сын рванули вперед – туда, где виднелась калитка в огород. Следом неслись глухие стоны. Перепрыгнув припорошенные снегом грядки, Лазар и Тео промчались мимо клеток с птицей.

Отец перемахнул изгородь, Тео ринулся за ним, но зацепился штаниной за гвоздь, поскользнулся и упал. Приземлился неудачно – нога подвернулась, и он глухо застонал:

– Черт, черт...

– Скорей, они сейчас будут здесь! – обернувшись, выпалил отец.

Теодор попробовал ступить на ногу, но вскрикнул и упал на четвереньки.

Тем временем в птичнике поднялся жуткий гвалт: встревоженные куры квохтали, гуси гоготали, выдавая присутствие чужаков. Лазар вернулся и рывком поднял Теодора.

– Давай же, – процедил он и метнул взгляд в сторону дома. В окнах горел свет и метались тени, в птичнике вопили птицы, а по всей улице истошно лаяли собаки. – Давай!

Но Тео только всхлипнул, держась за ногу. Лазар сцепил зубы, взвалил Теодора на плечи и побежал. На задний двор выскочили люди и с криками устремились в их сторону.

– Обращайся! – выдохнул Теодор. – Обращайся!

Отец ничего не ответил. Он мог броситься оземь, перекинуться и уйти лисом – в облике животного его бы никогда не поймали. Да и кому взбредет в голову, что человек может стать животным? Никто не станет арестовывать лиса, если даже тот будет скакать на месте преступления. Но Теодор...

– Да отпусти же. Давай! Они ничего не сделают!

Это была неправда. Теодор знал, неправда. Они сделают с ним все плохое, что только придумают, едва увидят его лицо. Быть может, избыют, как те дети. Или посадят за решетку за то, что влез в чужой дом. Впрочем, он ничего не украл. Его не за что судить.

– Замолчи, – бросил отец. – Не понимаешь!

Он прибавил ходу, а Теодор только заскрежетал зубами от боли и злости. Сзади доносились крики. Их настигали? Или отец, как оказалось прекрасно знавший город, вновь сумел обмануть их?

Теодор задался вопросом: когда отец успел изучить город? Быть может, он здесь родился? Теодор этого не знал и никогда не спрашивал, да и сейчас было не время. Лазар мчался по переулкам, во мраке гулких мостовых и каменных улочек. Вскоре он запихнул Теодора в узкую подворотню, которая была практически незаметна с улицы, и оттуда они увидели, как мимо промчался грузный растрепанный мужик в сдвинутой набекрень шапке.

Выждав немного и убедившись, что дорога пуста, Лазар подхватил Теодора и потащил его туда, где начинались могильники.

Прошло много, много времени, пока они добрались до дома. Небо стало светлеть, звезды гасли одна за другой. Когда в Изворе запели первые петухи, Лазар и Тео ввалились в родной дом. Теодор тяжело рухнул на свою кровать, а Лазар прижался спиной к стене. Теодор только сейчас заметил, что глаза отца полыхали темным огнем так, как никогда прежде. И Теодор испугался. Возможно, даже сильнее, чем испугался бы сотни разъяренных горожан.

– Ты... – просипел Лазар. – Ты... Даже не представляешь, *что* ты наделал!

Отец был не в себе. Глаза его дико вращались в орбитах, а губы судорожно дрожали. Заскочила мать, перепуганная до смерти, и бросилась к Теодору.

– Мария, отойди!

Лазар шагнул к сыну. Мария торопливо зачастила:

– Я говорила, он еще ребенок! Говорила не брать с собой. Ты ни перед чем не остановишься, но рисковать своим сыном – это... Ты не должен был рисковать. Вообще ничем!

– Он не ребенок! – прохрипел Лазар.

Они оба – Теодор и отец – знали, это правда.

– Она умерла.

В глазах Лазара появилась такая тоска, которую было невозможно выразить словами. Мать испуганно попятилась. Мгновенная боль сжала сердце Теодора. Вспышка в груди, острая, как укол иглы. Перед глазами встал образ девушки, ее белокурые волосы и круги под глазами. Значит, она умерла. Ее нет.

– Это ее судьба, – печально проговорила Мария. – Я говорила, судьбы не избежать.

– Не девочка.

– Что?

– Мать!

Мария ахнула и прикрыла рот ладонью.

– Ведь знали же... Лазар! Этот обряд – твое проклятье!

– Еще чуть-чуть, и я бы закончил. С девочкой обошлось. Возможно, с матерью бы тоже. Но тут... крики... и ворвались... – Он горько сжал губы. В его голубых глазах дрожала влага. – Просто не успел. Она не проснулась. Умерла, так и не придя в себя. Тот раз, когда мы прощались, был последним. Эта смерть, – он обратился к Теодору, – ее смерть на твоей совести. И она будет мучить тебя до конца твоих дней.

– Я не виноват!

– Ты не убивал ее, был лишь причастен, но причастность, – голос отца был глухим и безжизненным, – уже убийство. Запомни. Этому нет прощения.

Теодор понимал, что напуган, но почему-то не чувствовал боли. Отец же, по-видимому, принял смерть женщины близко к сердцу. Тео вдруг понял: отец его ненавидит и никогда не простит. Люди всегда были для него превыше всего.

– Ты не любишь людей, – выдохнул Лазар.

Неужели? А их можно любить? За что? За то, что они бьют детей и навлекают на них смерть? Да их ненавидеть мало! Отец был слеп, как крот бился носом в лопату, считая, что это спасительный люк. Но любовь к этим выродкам – смерть!

– Не любить людей – самый страшный в мире грех.

– Страшнее самоубийства? – процедил Теодор, тут же задохнулся от собственной наглости и подумал, что отец сейчас закатит ему пощечину.

Но тот лишь побледнел, отшатнулся и, надолго замолкнув, принялся расхаживать по комнате, размышляя о чем-то. Наконец он остановился напротив Теодора, и в его голосе уже не звенела ярость. Сиплые слова звучали устало и безысходно.

– Пойми одно, Тео. Ты – мой сын. Что бы ни случилось. Где бы ты ни был. Куда бы ни пошел. Запомни мои слова хорошенько, и, быть может, однажды они спасут тебе жизнь или даже душу. Запомни одно: ненависть к человеку равна убийству. Всех, кого ненавидишь, ты убиваешь, Теодор. Но в первую очередь ты убиваешь себя. Запомни это навсегда. Потому что однажды мы с тобой увидимся в последний раз, и после ты не услышишь от меня ни слова. Никогда больше не услышишь. За смертью – одна пустота. Там нет даже памяти.

Теодор хрипло задышал.

– Этот рыжий... Всё из-за него...

– Не важно. Тео, я знаю, простить злодеяние трудно. Очень трудно. Но я пытаюсь помочь тебе отпустить эту обиду – ради тебя самого. Ненавидя других, ты ненавидишь себя.

– Лазар... – На глазах Марии выступили слезы.

– Мы растили тебя в любви, сынок, – отец грустно посмотрел на Тео, – в бедности, но любви. Но сердце – оно твое. Оно живет по твоим законам. И оно не может удержаться на краю... Ты падаешь во мрак. Но шанс еще есть. Помни это. Однажды для тебя погаснет солнце, и ты очутишься в полной тьме. Тогда, Тео, смотри в небо сердцем. Быть может, ты увидишь, как красив далекий свет одинокой звезды... Но если нет – тебя ожидает одно: вечная ночь.

Лазар отвернулся и медленно прошел в свою комнату. Он вытащил из-под кровати какие-то сумки, которые Теодор прежде не видел. Извлек странные инструменты – стальные полосы,

крючки, напоминающие большие отмычки. Последним он вытащил ружье. Сложил все в один огромный мешок и взвалил на плечи.

– Запри двор. Возможно, скоро здесь будут люди. А если придут... Ну, ты знаешь.

Мария кивнула.

– Я в лес. Нужно это все спрятать. Если сюда заявится полиция, будет долгий и тягостный разговор, и ты, Теодор, должен помалкивать. Тебя там не было, ты ничего не знаешь. Наших лиц никто не видел, и маски – не доказательство, их любой сделать может. Все, мне нужно спрятать инструмент. Если они это обнаружат...

Лазар, ссутулившись, вышел из дома. Теодор подумал, что видит отца в последний раз. Но он ошибался. Этот раз оказался предпоследним.

Глава 7

О ТОМ, КТО НЕ ВИДИТ СНОВ

Все было так, как говорил отец. Полицейские задавали вопросы, а трое Ливиану только разводили руками: ничего не знаем, всю ночь были дома; давал только лекарственные травы, вот эти, возьмите образец; бедная девочка, медицина бессильна, нет, больше не виделись, какой ужас; маски – так сами болеем, не хотим вас заразить, вы же прекрасно понимаете... Да-да, до свидания, приходите еще, всегда рады помочь...

Измученные, спать улеглись только под вечер.

Теодор проснулся оттого, что услышал слово «сон».

В соседней комнате спорили. Он попытался встать, но только охнул: тело буквально разваливалось на части, нога опухла. Вот зараза, как больно-то! Кое-как он доковылял до двери и прижался к ней ухом.

– Это правда, Мария. Я видел сон.

– Лазар, не выдумывай. Так не бывает.

– Я видел сон.

Мать вздохнула. Теодор представил ее взгляд: печальный, немного укоризненный. Она смотрела так, если Тео говорил, что штаны ему порвал спиритуш, выскочивший из-под земли. Или что видел Фэт-Фрумаса, проносящегося по небу на своем волшебном коне Гайтане, и потому опоздал к рассвету. Теперь и слова отца она слушала как сказку.

– Лазар, – ее голос звучал мягко, с легким упреком, – тебе почудилось. Ты прекрасно знаешь...

– Да, мы не видим снов. Но я видел. Клянусь своей шкурой!

– Будь осторожней с клятвами.

– Я клянусь на шкуре, потому как верю тому, что видел. А я видел сон. Настоящий. Как раньше. Там был Теодор.

– Господи, Лазар, ты слишком переволновался из-за всей этой истории. Там осталась маковая настойка...

– Мария! Я правду говорю – Теодор был во сне. Он открывал дверь.

Мария издала звук, похожий на фыркание лисы.

– И я боюсь: он открывал дверь туда, откуда ему не выйти. Я понял это вчера. Ему ведь совсем не жаль ту женщину. Ни капли. Он не понимает, что натворил.

– Да потому что это не его вина! Женщина умерла из-за неудавшегося обряда, вот и все. Это же часто происходит – кто-то умирает. Она жертвовала собой, знала, на что идет.

– Сон, Мария. Эта комета... Ты ведь слышала, что такие кометы значат? Ты слышала про Макабр?

– Макабр?

– Ходят всякие слухи про Смутное время, когда происходят разные сдвиги в истории. Макабр. Мне снился Теодор, открывающий дверь. Что за дверь? Почему он ее открывает? Это случилось или случится? И – самое главное – он сказал, что слышал *свой* голос. На уступе.

– Ему почудилось...

– Я слишком долго спасаю людей, чтобы не знать – слышать свой голос, видеть себя со стороны означает только одно. Ты знаешь, *что*. А вдруг он станет... нелюдимуем.

Мать ахнула.

– Мария, если я ничего не сделаю, произойдет страшное. Мы его потеряем. Будущее Теодора на моей совести. Я его воспитывал как мог, но я не всемогущ. Не сумел вложить хоть

каплю своей любви к людям... Теодор еще на что-то надеется, но не понимает – ему место среди людей. Я должен его...

– Нет!

– ...вернуть к людям.

– Не смей, Лазар! Не отнимай у меня сына, он – мой единственный ребенок! Он – *наш* ребенок. Для тебя это ничего не значит? Ты накрутил себе про нелюдимцев. Он такой хороший мальчик, у него золотое сердце! Помнишь, как он спас филиненка пару лет назад? Кормил его из рук, вставал трижды днем, чтобы он выжил? Неужто ты вправду считаешь Тео нелюдимцем?

– Филин – не человек.

– Но ты-то, ты, Лазар, сам...

– И я – не человек.

Было слышно, что мать всхлипывает, а отец тяжело ходит по комнате. Каждый шаг бил прямо в сердце Тео, и он не мог унять бешеной скачки в груди. Как больно и страшно. Теодор не хотел уходить. Он хотел остаться здесь, в старом, покосившемся домике, который когда-то обустроил отец. В этой комнате, где пахнет звериными шкурами, деревом и немного пылью, с птичьими перьями на балках. Он не сможет его покинуть. Никогда. Дом ему роднее чего-либо на свете, каждая досочка и выступ на стенах – он знает их наизусть с детства и может на ощупь обнаружить что угодно в гряде хлама за дверью сарая.

Он знает ту семью мышей, которая таскает у него хлеб и другие припасы, – она живет под кроватью и пищит по ночам, а крохотные мышата порой играют в круге лунного света на полу, когда Тео просыпается по вечерам. Он запретил Северу ловить эту семейку. Сам не знал почему. Мышиная детвора, которая прыгает друг за дружкой, обнюхивая его сапоги, – он видел в них что-то особенное. Хотя это всего лишь животные, наблюдать за их семьей для него было тайной радостью.

Он их любил.

Любил здесь все. Каждую мелочь. Дом был дорог его сердцу, как ни один человек на свете. И если отец клялся шкурой, Теодор мог клясться своим родным домом, о котором он думал, будучи даже за десятки километров от него, высоко в Карпатах. Он всегда знал, что вернется сюда и встретит маму у калитки, увидит ее бледное доброе лицо. В своем сердце он улыбался ей. Но в жизни встречал сухим кивком и молчанием и теперь очень жалел об этом.

Теодор понял, что к его горлу подступил комок. Глаза заслезались.

В дверь постучали, и Теодор отступил вглубь комнаты. Ручка повернулась, и на пороге показался одетый по-походному отец. Он выглядел ужасно: рыжие с сединой волосы спутались и мочалом повисли до плеч, а кожа не отличалась от кожи мертвеца – до того была устрашающе синей и местами даже черной. Потому отец и носит маску – люди пугаются его до смерти. Он выглядел как мертвец, и мать тоже. Но сейчас Тео увидел, как отец стар.

– Сын.

Теодор не произнес ни звука.

– Прости.

Губы отца почти не раскрывались, когда он говорил.

Его голос, тихий, сиплый, словно от простуды, всегда успокаивал. Даже теперь.

– Мне нужно уйти. Береги маму.

Теодор не знал, куда девать руки, кисти казались огромными, как лопаты.

– Она тебя любит.

Теодор промолчал.

– Что-нибудь хочешь сказать?

Лазар выждал несколько секунд, потом склонил голову и перекинул сумку на другое плечо.

– Это тебе.

Он нагнулся и поставил на пол сапоги. Теодор знал их. Они были сделаны из кожи столетнего кабана-убийцы, который мучил окружающие деревни. Отец убил кабана, стачал пару сапог и носил их не снимая.

У Теодора вообще было мало одежды. Родители получали деньги только от редких посетителей, и ребенком он донашивал рубашки отца, свисающие до колен. Когда-то даже носил блузку матери, но выкинул, когда дети заметили рюшки и стали смеяться над ним. Иногда он рыскал на мусорной куче возле города, где оставляли одежду для бездомных, – стоптанные ботинки, поношенные куртки, ремни... Там Теодор нашел свой кожаный плащ. Чудная одежда – тут такую никто не носит. Наверное, потому и выкинули. Но ему оказалась даже по размеру.

Теодор просил себе «кабаны сапоги», но тогда они были настолько велики, что просто спадали с его маленьких ног. Эти сапоги – самое загадочное, что он видел в жизни. Они пленили его чем-то особенным с первого взгляда. Казалось, в старой коже по-прежнему жил дух древнего монстра. Им не было цены. И сноса тоже не было. Они выдерживали даже огонь.

Лазар тихо закрыл дверь, немного постоял по ту сторону. Теодор слушал затихающие шаги и, когда раздался далекий скрип калитки, бросился вслед, но увидел только огненно-рыжую точку, которая исчезла высоко на холме.

Глава 8

о том, где рождается пожар

Теодор проснулся от крика. За стеной кто-то выл, да так тоскливо, что Тео передернуло. Он кое-как натянул штаны и распахнул дверь в соседнюю спальню. Кричала мама, ее глаза были закрыты, – по-видимому, она крепко спала. Теодор подошел к ней и легонько потряс за плечо:

– Мам, проснись. Ма-а-ам...

Мать вздрогнула. Она открыла глаза и рывком села, меховая накидка свалилась с ее плеча. Родители никогда не снимали шкур, даже в кровати.

– Теодор... Что ты здесь делаешь?

– Ты кричала во сне. Наверное, приснилось что-то плохое.

Мария округлила глаза.

– Приснилось? Ох, мне снился сон!

Она подскочила от неожиданности, пораженная до глубины души.

– Сон! Настоящий. Так, значит, Лазар...

Мария несколько минут походила по комнате, заламывая руки, отодвинула занавеску – был еще день, но солнце уже клонилось к закату.

Затем они сидели за крохотным столом. Завтракал тут только Теодор – родители добывали ему еду, мама готовила, но сама не ела. Они питались в обличии лисов, их пища была бесплатна. Не нужно покупать соль, сахар, пить чай. Теодор знал, что отец скучает по людской еде – догадался по тому, как раздувались ноздри Лазара, случись ему проходить у стола. Но отец поскорей исчезал, чтоб не слышать запаха. Убегал лисом на склоны и там утолял голод сырым мясом.

Мама явно хотела что-то сказать. Ее пальцы перебирали рыжий мех накидки.

– Мам, вы с отцом правда не видите снов?

– Правда.

– Почему так?

Она покачала головой и отвернулась к окну, делая вид, что любит курганами. Потом спросила:

– А почему ты их видишь?

Теодор пожал плечами: он, конечно, не мог объяснить.

– Перекидывши не видят снов. Мы много еще чего не можем... Тео, не злись на папу. Он хочет добра. Когда-то он сделал нехороший поступок. Может, не один. Папа жалеет об этом. Он подарил жизнь многим людям. И тебе. Запомни это. – Мама поглядела на него с особой нежностью и печалью. – Он подарил тебе жизнь. Это и значит быть отцом. Ведь так?

Теодор понятия не имел, что сказать. Оленина потеряла вкус.

– Когда-то у меня был другой муж. Потом второй – хуже, чем первый. Он сделал со мной кое-что настолько плохое, что я не стану этого говорить. Когда я думала, что жизнь закончилась, встретила твоего папу. Он меня никогда не обижал. И тебя тоже. Он всех любит. Тебя, меня, других. Он такой. Мы ему обязаны.

– Почему он хочет от меня отделаться?

– Он не хочет тебя отпускать. – Мама серьезно взглянула из-под рыжих бровей. – Но его сердце разрывается каждый день, когда он видит, что у тебя нет надежд. Ты одинок. Не ходишь в гимназию. Это не жизнь. Отец ушел в Китилу – город по ту сторону Гребней; он хочет поговорить с одним человеком. Это важный человек. Лазар верит, что он тебе поможет и приютит... а я – нет. Я считаю, ему нельзя доверять. Я должна рассказать папе про сон,

потому что видела нечто плохое. Лазар догадается, что это значит. Я пойду за ним, пока он не совершил ошибку, а потом вернусь. Через неделю, не позже.

– Что ты видела?

– Дверь. Там был папа. Он ждал тебя. А потом дверь открылась, и вошел ты...

– Почему сон плохой? Что было дальше?

Мама качнула головой и встала из-за стола. Теодор скинул обглоданные кости под стол, в кадку. На сердце было тяжело. Неожиданно мама обняла его за плечи.

– Мы, наверное, странные родители. Питаться зверьем, носить старую одежду. Может, Лазар прав. С людьми тебе было бы лучше. Но не всегда одежда делает счастливым. Мы вот рады, что у нас есть ты.

На глаза мамы навернулись слезы. Теодор сейчас увидел, насколько стал высоким, – ее голова доставала ему до плеча.

– Ты так повзрослел, Тео. Папа прав. Наши судьбы уже прожиты, нам нечего сказать, а ты, полный жизни, можешь изменить мир. Не смейся, это правда. Почему не ты? Кто, если не ты? И когда, если не сейчас? Следующей жизни не будет. Однажды ты уйдешь, и тогда делай, что считаешь нужным. Живи. Просто живи. Весь мир открыт перед тобой, пока ты жив.

Мама замолкла. Снова обняла его крепко-крепко. От нее пахло звериным духом, чуть-чуть мясной подливкой и чем-то еще – чем пахнут только мамы. Теодор почувствовал, что в сердце щемит, ему стало грустно. Он не понимал, что происходит.

Мама положила на стол маленький кошелек.

– Это все, что мы с папой собрали. Мы в этом мире никто... Нас не существует. Я не могу объяснить. Быть может, наступит момент, ты узнаешь все. В свое время. Но я бы хотела, чтобы ты никогда не узнал. Есть секреты, которые нельзя раскрывать. Впрочем, ты ведь и сам тоже... Нет. – Она мотнула головой. – Я верю, что ты, Теодор, проживешь счастливую и долгую жизнь. Я верю в это.

Мама долго не хотела уходить. Наверное, минула половина ночи. Из-за елей выплыла луна, и только тогда она ступила за порог. Мама бросила взгляд на Тео, и ее глаза показались ему какими-то особенно голубыми. Затем она отвернулась и медленно побрела прочь, и Теодор вдруг увидел, что ее лисья тень какая-то дрожащая, зыбкая. Сама фигура матери показалась ему призрачной, и он испугался.

Сгорбленный силуэт исчез за изгородью, и пару секунд спустя Тео услышал легкие лисьи шаги. И тут же зажмурился. Нельзя смотреть. Не стоит запоминать эту картину. Теодор смотрел в темноту закрытых глаз, а на ресницы садились снежинки. Скоро все его лицо было мокрым.

Теодору на какой-то миг показалось, что его нигде нет. Что он – пустое место во дворе, на которое падает снег.

* * *

Проходили ночи, а Теодор все ждал родителей. Когда мама ушла, он послал вслед Севера, чтобы тот принес весть. Но вестей не было. Прошла еще неделя. Теодор все больше волновался. Если мать оставила деньги и так просталась, словно больше не увидит его совсем, – отцу грозит опасность. Но Тео терпеливо ждал. Ставил силки, ловил мелких зверюшек, готовил жиденькую похлебку, растворяя в воде заплесневелые хлопья. Иногда долго лежал на полу, глядя, как по комнатам бегают мыши. Без Севера они осмелели и уже никого не боялись.

Как-то вечером Тео проснулся от шороха и писка. Он сполз с лежака. Так и есть: мышенок свалился в сапог и не мог выбраться.

Теодор перевернул сапог, и малыш серой молнией шмыгнул в угол, под кровать. Вот так. Все-то меня боялся, подумал Теодор. Он задумчиво посмотрел на кабаньих сапог в руке. Как

долго он ждал эту обувку! Но когда отец ее отдал, взял и перехотел. Странно получается: чего-то ждешь, а получив, разочаровываешься. Тео подумал-подумал и все-таки натянул сапоги. Как влитые! Он побрел на кухню. Хоть бы филин вернулся и принес вести...

На полках было шаром покати, а в шкафчике обнаружилась лишь пачка запыленных хлебцев. Тео сидел на полу, прислонившись к стене, грыз хлебцы, думая, что нужно оставить немножко для мышат, и лениво следил за тем, как по полу движется лунное пятно.

Вдруг пятно на миг померкло.

Теодор вскочил:

– Север!

Окно не открывалось, и Тео побежал к двери. Север пронесся мимо, взметнув ему волосы, развернулся и полетел в обратную сторону. Ухо Теодора обдало теплом, по щеке мазнули мягкие перья.

Филин приземлился на крыльцо и громко ухнул. Только сейчас Теодор увидел, что Север сжимает в лапе что-то темное. Теодор взял предмет и тут же понял: что-то случилось. Север умел давать понять. Он был не просто птицей. И принес то, что могло означать только плохое.

Обугленная ветка.

Огонь. Стихия, преследовавшая отца всю жизнь. Теодор мог только догадываться, что случилось, и некоторое время просто стоял, кусая губы. Потом он побрел в дом и остановился в спальне родителей, глядя на потолок, в правый почерневший угол. Прямо под ним когда-то находилась кровать, где спал отец.

Однажды разразилась ужасная гроза. Отец отлеживался после попадания в капкан, а Теодор с мамой выбежали на улицу собрать белье. В дом ударила молния. Тео помнил рев и ослепляющую вспышку. Крыша загорелась, но ливень был такой, что огонь быстро погас. Они кинулись внутрь и увидели Лазара – тот лежал на тлеющей кровати. Молния целилась в него. Но не убила.

Это была третья молния, которая пыталась его уничтожить. Теодор прекрасно знал – отец пережил несколько пожаров, падал в костры, обжигался свечами, лучинами и спичками несметное количество раз. Гадалка предсказала Лазару, что тот погибнет от огня. Отец знал, это правда. Не знал лишь, когда это случится, но не сомневался: однажды огонь его заберет. Лазар жил, а огонь за ним гонялся. Вечная погоня пламени за лисом, от которой второму не спастись никогда.

Теодор смотрел на обугленную деревяшку. Страх всплыл из глубин живота, как мертвая рыбина на поверхность реки. Что это значит? Что хотел сказать Север?

Скрипнула калитка.

Теодор насторожился и, надев плащ, вышел на улицу. Во дворе никого не было. Тео подумал, что плохо запер калитку, и та качнулась от сильного порыва ветра. Он подошел ближе и увидел, что засов на месте. Что за чертовщина?

В доме дико заверещал Север. Теодор оглянулся и застыл: из-за угла дома, пятясь, вышел человек! Теодор задохнулся от волны паники. Высокая фигура, стоя к нему спиной, плескала на стену жидкостью из большой бутылки, не обращая внимания на отчаянные крики Севера.

– Заткнись, тупая птица!

Человек отбросил бутылку и достал из кармана спички.

Теодору словно ткнули тяжелой кочергой в живот. Легкие обожгла ярость. Горожанин! Вот оно что! Тео с разбегу бросился на человека, рванул его на себя за воротник. Рыжий!

– Ты! – прохрипел Теодор и замахнулся.

Противник перехватил его руку и больно вывернул, но Теодор умудрился ударить левой.

– Дурень! – неожиданно рассмеялся рыжий. На рассеченной губе набухла кровь, но он лишь покачал головой: – Слышал, колдун сбежал... Значит, ты один?

Они стояли во дворе, и ночной ветер бросал им в лица редкие снежинки. В доме снова беспомощно закричал Север, и от этого звука Теодор содрогнулся.

– Ты никому не нужен. Даже отец бросил. Он же упырь, черт возьми! Жизнь за жизнь, Теодор. Слышал такое?

Только сейчас Тео почувствовал запах гари. Парень заговаривал ему зубы, а сам успел чиркнуть спичкой за спиной и уронить ее! В одно мгновение пламя накинулось на горячее, и угол дома полыхнул.

Тео бросился к двери, но рыжий был к этому готов и накинул ему на шею удавку. Парень оттащил Тео как можно дальше от двери, чтобы тот не мог ее отворить. Теодор видел силуэт птицы, бешено бьющейся в окно. Филин пытался разбить стекло, метался, хлопая крыльями и судорожно разевая клюв.

– Смотри, как поддыхает твоя птица, упырь. Ты ведь так ее любишь, да? Ну и пусть сдохнет! У меня мать умерла! Из-за твоего чертового отца умерла!

Рыжий хрипел от ярости, все сильнее затягивая удавку, и Теодор со всей силы наклонил подбородок вперед. Руками пытался оттянуть веревку, но это было невозможно. Впрочем, рыжий не хотел его задушить, он держал Теодора лицом к дому, заставляя смотреть, как он горит. Языки огня уже рвались вверх к черному небу, и пожар было не остановить. Теодор понял, что еще чуть-чуть – и вместе с домом сгорит его единственный друг.

За голенищем кабаньего сапога был нож. Тео хотел наклониться, но рыжий так сжал ему горло, что он уже не мог дышать, и тело слушалось плохо. Невероятными усилиями он поднял ногу и через мгновение полоснул по веревке. Удавка лопнула, и Тео перекатом ушел вперед.

Рыжий бросился за ним, но Теодор лягнул его в лицо и, тяжело кашляя, пополз на четвереньках к дому. Парень ухватил его за ногу, и Теодор ударил его еще раз. С навеса над крыльцом на них сыпался пепел, а внутри дома рушились трухлявые балки, объятые огнем. Рыжий что-то крикнул, но Теодор не расслышал слов.

Дышать рядом с домом было нечем – гарь и омерзительная вонь вцепились в горло, сдавливая лапы сильнее, и каждый глоток воздуха был вязче и гуще, черней и смрадней предыдущего. Теодор вдыхал смерть. Всюду огненные вспышки, полыхающие оранжевым и красным, будто цветок-убийца раскрыл лепестки, чтобы поймать жертву и утянуть в кровожадное нутро, откуда никому нет спасения. Отец рассказывал, как страшно задыхаться в пожаре. Теодор это вспомнил, и желудок скрутило. Нужно действовать немедленно, иначе он не спасет даже себя.

Теодор рванулся к окну на кухню, где был заперт Север, и ударил локтем по стеклу, но оно не поддалось. Филин бился по ту сторону – так близко, что Тео схватил бы его, если бы не преграда. Он ударил еще раз и вскрикнул: на плечо упал пылающий обломок дерева, и рука вспыхнула от боли. Стекло треснуло, Теодор замахнулся еще раз, но в то же мгновение с крыши сорвались дымящиеся доски...

Первые минуты, придя в себя, Теодор глупо таращился на нечто черное, не в силах понять, что видит, – скелет огромной рыбы или гигантскую клетку? Наконец он понял: это всё, что осталось от его дома.

Теодор сел, держась за голову, и осмотрелся. Видимо, пролежал он долго: огонь уже сожрал все, что мог, но угли еще тлели. Пепелище источало мерзкий, душливый запах.

В груди нехорошо заболело. Его дом... сгорел. Тео вспомнил про рыжего. Сбежал? Во дворе пусто. Тео с трудом встал. Плечо и голова ныли от ударов и горели от ожогов, в воздухе стоял запах крови и паленых волос. Теодор подошел к обломкам крыльца. Он едва узнал в обугленных досках ступеньки. А рядом чернел оконный проем на кухню. Теодор зажмурился, но шагнул ближе – он должен был это увидеть.

Внутри, среди нагромождения обгоревших досок, кое-где были видны глиняные черепки, металлические кружки... И все покрывала зола, как черный снег. Теодор почувствовал, как горло сжалось от слез. Филин погиб. Его друга больше нет, и он не услышит свист крыльев над

ухом, и заботливый клюв больше не ткнет ему в лицо очередное подношение в виде пойманной мыши. Он не почувствует приятной тяжести на плече, потому что некому будет садиться на руку.

Его больше нет.

Теодор любил Севера больше всего из того, что имел.

Теодор увидел его впервые, когда тот был маленьким лохматым комочком, копошащимся на тропинке. Тео взял его домой и выкормил, вырастил сам, наблюдал за тем, как птенец обрасстает крепкими перьями, как крылья удлиняются с каждой луной, как жалкий комок превращается в красивую и грозную птицу. Филин был ему лучшим другом. Он единственный понимал Теодора без слов – им не нужно было говорить. Они вместе охотились: филин указывал путь на звериные тропы, а Тео делился добычей. Это был лучший друг, который только мог появиться у Теодора.

И вот его не стало.

Теодор остался один.

Ноги больше не держали его. Он сел на землю и обхватил себя руками за плечи. Закусил губу, чтобы не взвыть от безысходности: родители исчезли, дом сгорел, друг погиб. Теодор с ужасом понял, что у него больше вообще ничего нет, даже мышьиной семейки в углу его спальни. Еще вечером он слышал возню маленьких мышат и спрятал в кармане кусочек хлеба, чтобы отдать им, а теперь...

Теперь их нет.

Вот она – ночь. Пришла. То, о чем говорил отец.

Тео зажал себе рот, потому что хотелось вопить и выкрикивать проклятия.

«Нельзя. Держись, – лихорадочно повторял он про себя. – Нужно что-то придумать. Ты же сильный. Ты все знаешь. Вспомни, как провалился под лед на озере. Ты выбрался. Один! А когда наткнулся на вепря? Ты выдержишь. Даже это. Позаботишься о себе. И родителей...»

Теодор вспомнил обугленную веточку, которую принес Север. Отец собирался в Китилу. Хотел там кого-то найти, но не вернулся. «Делай все, что считаешь нужным», – вспомнились слова матери. В город ушел отец, в город ушла мать. Оба не вернулись. Настал черед Теодора. Родители были бы против. Но другого выхода он не видел. Все, что у него осталось, – память. Да и то он знал: в любой момент может потерять и ее.

Шатаясь, Теодор встал и побрел в сторону погребя; его вырыли в стороне, и он не сгорел. Там еще оставались припасы, можно было разжиться подмороженной картошкой.

Тео переступил через торчащую балку и остановился, нахмурившись. На земле была прямоугольная тень, словно от двери. Тео прекрасно понимал: все двери сгорели, от них остался лишь пепел. Ничто здесь не могло отбрасывать эту тень.

Теодор шагнул, и дверь неожиданно приоткрылась. Он видел, как ее качает невидимый ветер, и понял, что тень лежит у самых его ног. Да, точно, она начиналась у сапог. Тео растерянно поморгал и двинулся к погребу, а дверь поползла следом, будто приклеенная к подошвам.

Тень Теодора больше не была человеческой...

Глава 9

о том, кто поселился в проклятом доме

Невидимая рука крала звезды одну за другой. Наступало утро.

– Нужно спешить, – пробормотал Теодор.

Он шагнул вперед и попал в круг лунного света. Интересно, подумал он, если бы кто-то сейчас его увидел, заорал бы с испугу? Все-таки наружность та еще.

Длинный кожаный плащ, защищающий от сырого февральского ветра. Тяжелые кабаны сапоги – «единственное в этом мире, на что еще можно положиться», как Тео их определил. Длинные черные волосы свисают почти до пояса.

Когда Тео вынырнул из тьмы, луна осветила лицо, и миру открылась его страшная тайна: шрам на скуле в виде креста.

«В общем, видок колоритный. И это еще мягко сказано», – хмыкнул про себя Тео.

По дороге к Китиле на пригорке Теодор обнаружил обугленный от корней до верхушки боярышник. Нечто испепелило ствол за считанные секунды. Но что? Тео огляделся и других обгоревших деревьев не увидел. Значит, Север принес ветку отсюда.

Близился рассвет, и нужно было скорее найти укрытие.

Туман выползал из-под коряг, клубился у корней деревьев, но гуще был слева от города. Тео взгляделся туда и различил тусклое мерцание воды.

– Ах, река, – заметил он. – Река... Вот оно что.

Навряд ли эта река, подумал Тео, обходится без омута. Сколь глубок он и сколь тих – тут гадать приходится. А что не пустует – сомнений быть не может.

Река порождала больше и больше тумана. Тео шагал лугом и наконец подошел к Китиле. Явственней стали видны коньки крыш с загадочными фигурками. Кое-где в нависший туман острыми веретенами втыкались шпили старинных зданий. Город был стар. Тео взошел на пригорок. Ему открылась дальняя улица, мощенная булыжником, низкий арочный проход, домики с маленькими окошками. Окна, обращенные к реке, закрывали ставни. Фонари погасли, наступало утро.

С пригорка открылся вид не только на город, но и на кладбище. Сердце Тео забилось быстрее, и он спустился к погосту.

За оврагом, у которого заканчивалось кладбище, стоял дом – черный, покосившийся из-за старости. Было трудно сказать, находился дом все-таки на территории погоста или за его пределами.

Из всех комнат более-менее целым остался только чердак. По первому этажу гулял ветер, сквозняки свистели между голых стен и оконных рам, из которых, как драконовы зубья, торчали куски стекла.

Кто построил дом рядом с могилами и в каком веке – никто не знал, но поговаривали, что все прежние жильцы время от времени слышали призрачные голоса. Иногда на рассвете ветер приносил чьи-то тоскливые песни из-за кладбищенской ограды. Много всяких слухов ходило... Потому дом и бросили, и до сих пор называли проклятым.

Тео остановился у задней стены. Рядом с домом выросло дерево, и одна ветка протянулась к самому чердаку. Тео забрался наверх, к слуховому окошку. С высоты он оглянулся на кладбище.

Погост выглядел волшебным: приземистые холмики могил, словно старички-гномы, надели шапки тумана. Их каменные лбы покрылись испариной росы, и каждая капелька сверкала как жемчужина. Тут и там молодая травка пробивалась к жизни.

Последняя звезда горела над крышей. Прокричал петух, а дальше – тишина. Лишь скрипнула маленькая дверца на чердаке. Под ящиком, на доске, из которой местами выглядывали гвозди, Тео свернулся калачиком от холода. Вокруг – ни единой живой души. Только туман. Тишина.

Через час наступило утро. Тео лежал, укрывшись поношенным плащом и подложив под щеку руку. Длинные волосы разметались, открыв уродливый рубец на лице. Здесь его прятать было не от кого. Другая рука Тео сжимала обгоревшую веточку. Что случилось с боярышником? Где родители? Теодор не знал. Потому сон его был глубок и странно похож на сон его соседей. Тех, кто лежал под могильными камнями.

Люди предпочитают жить в обычных местах: в доме рядом с центром города, чтобы под рукой была булочная, мастерская сапожника, лавка молочника. Из всех мест, где можно и нельзя поселиться, Тео выбрал самое необычное. Он поселился на кладбище.

И очень скоро произошло еще нечто очень необычное. Однажды, когда с гор спустился утренний призрачный туман... Тео проснулся!

Для кого-то открыть глаза, нежась под одеялом в лучах восходящего солнца, – привычное дело. Но у Тео всегда было наоборот. Только горожане, выпив перед сном молока, ложились в мягкую кровать, как Тео, сладко потягиваясь в постели, начинал строить планы на грядущую ночь.

Этим утром прокричали петухи, занялся рассвет, обычные люди в обычных домах открыли ставни, впуская в дом бодрящий, прохладный воздух. Кто-то искал носок под кроватью, кто-то подгонял нерадивого мужа на работу, кто-то любовался видом предгорий Карпат. А Тео проснулся и больше заснуть не мог как ни старался.

Он лежал, глядя на низко нависшие чердачные балки, где колыхалась паутина и медленно ползали угрюмые пауки. Он принялся считать их, когда они переползали через балку: «Один паук, второй паук, третий паук, четвертый паук...» – но сон не пришел. «Дурацкие людские советы, – хмыкнул Тео, – как всегда, бесполезны».

Теодор вспомнил, что его разбудило. Какой-то возглас, донесшийся с кладбища. Только этого еще не хватало. Кому это приспичило гулять по погосту? Судя по виду, кладбище давно заброшено, потому-то он и поселился здесь. Кроме голоса, Теодору не давал покоя холод. Про-дуваемые всеми ветрами стены от него ничуть не спасали.

– Скорей бы чертова весна...

Тео порадовался, что февраль на исходе, и обозначил свое отношение к нему набором крепких прилагательных, которых в его словарном запасе было, по мнению родителей, как-то многовато.

Он знал, что утром лучше сидеть в укромном уголке. Но так озяб, что еле двигал руками и ногами. К тому же с северной стороны кладбища по-прежнему доносился какой-то громкий шепот. Наконец Тео решил размяться и разузнать, что происходит.

Он открыл дверцу чердака.

Обычно справа виднелась река, а слева – лесные заросли. Впереди, за рекой, высились гребни Карпат. Горы покрывали дремучие еловые леса, полные диковинных тварей. Местные жители уже не успевали складывать о них легенды. Ну а если обернуться, можно было увидеть Китилу.

Конечно, Тео увидел бы все, если б не одно «но». Сначала он подумал, что ослеп. Ведь куда ни кинь взгляд – белая ровная муть. Весь мир заволок туман, да такой густой, какого Теодор сроду не видывал и не знал, что такой бывает.

Тео спустился на землю и поежился. Один-одинешенек в океане тумана. В нем потонуло солнце, дом, деревья и сам Теодор. Потерянность в пространстве – чувство не из приятных. Волосы вмиг отсырели и прилипли к лицу. На коже оседала влага, изо рта валил белый пар. Тео

попытался найти тропинку и вдруг наткнулся на стоящего на коленях человека. Осторожно приблизившись, он с облегчением вздохнул: всего лишь надгробие!

Тут и там виднелись неясные угрюмые фигуры, и каждый раз, приближаясь, Теодор обнаруживал камни, камни... Древние, мшистые, разных размеров и форм. Теодор никогда не боялся их. Его встревожило бы лишь одно: если бы надгробия вдруг ожили и зашевелились.

– В кладбище один плюс, но зато большой, – буркнул под нос Теодор. – Тут нет людей. Ну, по крайней мере, живых.

Тропинка вскоре нашлась. Белея камушками, она петляла в белесой влажной неизвестности. Теодор ступил на тропу и двинулся вперед. Сколько он блуждал по погосту, Тео не знал. Он потерялся во времени и в пространстве. Как вдруг... Впереди, возникнув из тумана, что-то колыхнулось, точно черный мешок. Тео застыл. Кто это? Уносить ноги? Подойти?

– Эй, ты! Руки, руки прочь! Ишь, надумал тыкать меня в ребра!

– А чего ты врешь, будто мой лучший друг всего лишь напился в стельку и свалился в овраг? Тут и оврага-то нет, он дальше!

– А ты, поди, ползал пьяный да проверял?

– Хватит вам препираться, неужто не наспорились за два века? Мы по делу собрались, нежитель пропал, а они спорят, кто больше пьет!

– Он!

– Нет, он!

Голоса показались Теодору странными: вроде и близко звучали, а словно издали, как из толщи воды. Ему стало не по себе. Теодор в недоумении замер, а потом скользнул за ближайшее надгробие и затаих. Если это горожане, его не заметят. Что все-таки происходит? Кому понадобилось в такую рань гулять по кладбищу? Туман быстро расступался, и Теодор увидел говоривших. Возле тропинки их собралось не менее дюжины, а сколько было точно, он не знал.

Все они были очень разные: высокие, низкие, толстые и совсем тощие. И все же Теодор понял: они чем-то и схожи. Что-то их объединяло. Будто всю толпу разом посыпали тысячелетней пылью, и эта пыль въелась в каждую складку их одежды. Все, как один, оказались мертвецки бледные (Теодор готов был поспорить, это не игра искаженного туманом света) и одеты – один чудней другого. Такой одежды, пожалуй, уже никто не носит, а может, никогда и не носил. А обувь! У одного башмаки были деревянные, у другого – с коваными пряжками, у третьего чуть ли не постолы. Люди шумели, перебивали друг друга, то выплывали из тумана неясными тенями, то исчезали там вновь.

Теодор таращился на все это и не мог собраться с мыслями. Он даже рот раскрыл от удивления, но тут же захлопнул. В мире столько диковинного, что если всему удивляться, челюсть отвалится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.